

РЫБКИ ВСЕГДА
ПЛАВАЮТ
ВПРАВО

Антон Гусев

АНТОН Гусев

Рыбки всегда плавают вправо

«1000 бестселлеров»

2023

УДК 82-93
ББК 84(2)

Гусев А. А.

Рыбки всегда плавают вправо / А. А. Гусев — «1000 бестселлеров», 2023

ISBN 978-5-00144-578-4

Мир внезапно оказался затоплен проливным дождём. Вода прибывает с каждым часом, скрывая под собой даже самые высокие многоэтажки. Мальчик на лодке, собранной из шкафа и велосипеда, с двумя котами на борту, едва успевает спастись. Борясь со стихией, он стремится добраться до горных вершин. Неожиданно, прямо посреди моря, мальчику встречается мрачная башня – гостиница «Камень и бархат», с обитателями, живущими по особым правилам уже многие тысячи лет. Стать жителем гостиницы проще простого, а вот покинуть её можно всего двумя способами...

УДК 82-93

ББК 84(2)

ISBN 978-5-00144-578-4

© Гусев А. А., 2023
© 1000 бестселлеров, 2023

Содержание

Часть I	6
Мальчик делает лодку, а потом едва спасается от опасного огонька	6
Коты, бараны и странный старик	15
Прибытие в «Камень и бархат»	24
Утро свободного человека	34
Банные процедуры, ловцы воздуха и тайна Бастьена	47
Сад откровений. Экскурсия продолжается	63
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Антон Гусев

Рыбки всегда плавают вправо

...Посвящается капитанам, разбившимся о Чёрные Форты и жителям, гостиниц, строящих для этих капитанов корабли.

© Антон Гусев, текст и иллюстрации, 2023

© ООО «Книжкин дом», оригинал-макет, 2023

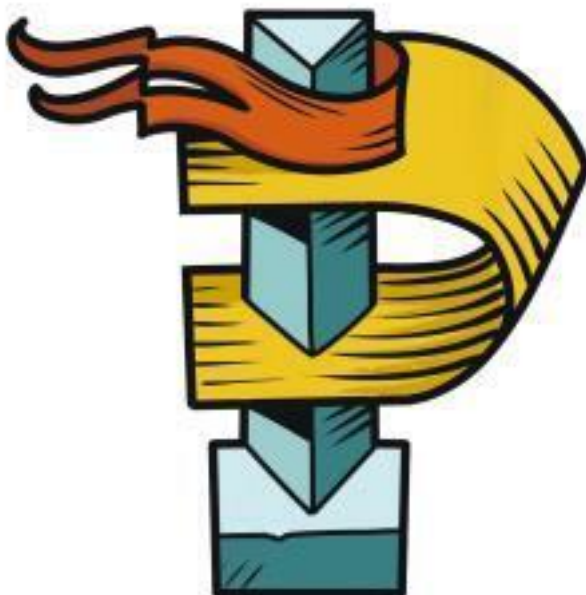
© ООО «1000 бестселлеров», 2023

Часть I

Мальчик делает лодку, а потом едва спасается от опасного огонька

*Солнца не видно
Самодельная лодка
Вдаль уплывает*

Работа была почти закончена, но всё равно следовало торопиться. За окном было шумно. За последнюю неделю с улицы доносилось всего два вида шума: шум дождя и крики людей, которые становилось слышно, когда дождь ненадолго прекращался. Это был странный дождь. Иногда казалось, будто кто-то лил сверху из огромной лейки с рассеивателем – тогда дождь выглядел вполне обычно, падая тысячей маленьких отдельных струек. Иногда же этот самый «кто-то» по каким-то причинам не желал идти за насадкой и опрокидывал лейку прямо так, сплошной струёй. И вот множество старательных и ленивых садовников собрались вместе, чтобы полить наш город-сад. Такой вот удивительный дождь.

В комнате царил страшный беспорядок. На полу, в самом центре, лежал перевернутый шкаф, дверцы которого были раскрыты. И не просто раскрыты – было видно, что их отпиливали: это подтверждали и инструменты, разбросанные вокруг. Штор на окнах не было – они лежали, аккуратно свёрнутые рулоном, в дальнем углу. Вдоль стены, по порядку, от самой большой к самой маленькой, словно солдатики, были расставлены пустые пластиковые бутылки. Мотки клейкой ленты и ножницы валялись неподалеку, а на досках, рядом с бутылками, прислонилась к банке с краской потрёпанная пожелтевшая открытка. На открытке была изображена лодка с парусом, скользящая по ровной глади воды на фоне голубого неба и яркого

солнца, настолько яркого, что становилось понятно: оригинал изображения был нарисован красками, причём не очень умело. Сколько таких копий напечатано с одной не самой удачной картинкой неизвестного художника? Быть может, только одна из них дошла до наших дней? Но, без сомнения, для мальчика она была сейчас крайне важна. Она являлась для него примером.

Мальчик сидел на краю шкафа и разматывал верёвку, время от времени поглядывая на открытку.

«Здорово скользит, – подумал он, – с такой лодкой я бы вмиг добрался до цели».

Большой белый кот играл с концом верёвки, то падая на спину и изгибаясь, растопыривая когтистые лапы, то всем весом наскакивая на верёвку сверху. Короткая шерсть была перепачкана пылью и древесной стружкой, что, впрочем, его совершенно не смущало. И ещё один, пушистый и чёрный, развалившись на подоконнике, лениво поглядывал на суету, иногда переводя взгляд за окно и зевая. Одна его лапа свисала и медленно покачивалась, словно маятник.

– Наслаждайся, Барон, – не отрываясь от работы, подбодрил чёрного кота мальчик и, отрезав кусок верёвки, швырнул его в угол к цветастым шторам, – Совсем скоро мы отправимся туда, где нет ни окон, ни дверей, ни подоконников. Только зелёная трава, яркое солнце и бесконечные тропинки: ходи куда хочешь. Главное – всё правильно рассчитать. Впрочем, если хочешь, я смастерю тебе подоконник. Или можешь считать подоконником любое место на нашей лодке. Так ты всегда будешь на своём любимом месте, да и мне не придётся делать лишнего.

Кот неторопливо и грациозно спрыгнул на пол, взметнув облако стружек, потянулся, снова зевнул и побрёл на кухню к своей миске, оставляя за собой дорожку из следов. Через несколько секунд из кухни раздался аппетитный хруст, и второй кот устремился на этот звук. Такая уж природа у котов – всё делают вместе. Хоть и считается, что каждый кот сам по себе.

Мальчик застегнул верхнюю пуговицу глухого плаща и, подвинув в сторону тёмно-зелёные резиновые сапоги, поглядел на свое отражение в зеркале.

«Если натянуть фуражку пониже на глаза и накинуть сверху капюшон, то сложно будет разобрать, взрослый плывёт или ребёнок. А если ещё присесть или смотреть будут издали, то и вовсе не угадать. Это отлично: со взрослым никто не захочет связываться», – подумал он, удовлетворённо оглядывая себя с ног до головы.

«Осталось выбрать себе какое-нибудь необычное капитанское имя, например Карлос или Мигель».

– Кар-лос, – произнёс он отдельно, с ударением на первый слог.

«По-моему, отличное имя, в нём есть что-то от мореходов-первооткрывателей. Не то что Вова, Ваня или какой-нибудь Андрей! Хотя... – он призадумался. – Живи я, например, в Испании, имена Карлос или Хуан звучали бы куда более привычно, а обычные имена, наоборот, были бы в диковинку. Вот путаница!

Чтобы не выглядеть глупо, надо придумать что-то более короткое и необычное. Клос, хм... Капитан Клос! Звучит отлично!»

– Эй, путаны, – он повернулся к ужинающим на кухне котам и деловито подбоченился, – теперь зовите меня Капитан Клос. Там, куда мы направляемся, не найти имени более подходящего! Как вам? – мальчик подошёл к окну и посмотрел вниз.

Он жил на девятом этаже, а вода уже вплотную приблизилась к восьмому. На стенах домов повсюду виднелись отметки – они были нанесены краской или просто нацарапаны. Часть отметок уже была скрыта под водой: какие-то даты, рисунки, числа – некоторых надписей и вовсе было не разобрать в свете заходящего солнца. Из окон повсюду выглядывали люди – они перекрикивались между собой, спускали верёвки, купались и прыгали в воду прямо с подоконников. Несколько человек громко пели хором и держались за руки. Кто-то заливисто смеялся.

«Лучше бы делом занялись, – проворчал мальчик про себя, – Какой смысл отмечать, насколько высоко поднялась вода, если за последнюю неделю она ни разу не опустилась?»

Может, они рассчитывают, что через сто лет вода сама собой исчезнет и какой-нибудь неизвестный человек подойдёт к присыпанному землёй дому, задерёт голову и всё поймёт?

«Да уж, – скажет такой человек, – сразу видно, что здесь жили истинные художники, творили прямо на стенах собственных домов, – поправит пенсне и пойдёт дальше наполнять свой квадратный чемодан бумажками».

В дверь громко постучали, и Клос немедленно вернулся к работе.

– Лаки, Барон, дверь не открывать! Не хватало ещё, чтобы нам здесь мешали. Я и так боюсь не успеть застелить каюту, по такому-то ливню, а ещё штурвал не отрегулирован, подайте-ка сюда молоток! – после секундного промедления он сам подхватил молоток и принялся прилаживать велосипедный руль к лежащему шкафу.

«Интересно происходит с вещами вокруг, – подумал мальчик, осматривая результат своей работы. – Вот, например, опрокинул шкаф, приделал к нему вёсла – и что, теперь это лодка? Или по-прежнему шкаф? Нет, лучше уж лодка: плыть на шкафу глупо и даже опасно. Так что пусть будет лодка».

Жаль, что пустых пластиковых бутылок так мало, – Клос с грустью оглядел свой скромный запас, – Вокруг так много бесполезных вещей: телевизор, телефон, холодильник... без электричества они разом перестали существовать. А даже если и существовали бы, то вряд ли сейчас кто-то на том конце вёл прогноз погоды или ставил в эфир фильмы. Прогноз на ближайшее время всё равно не поменяется, а до фильмов вообще теперь никому нет дела. Сейчас все предпочитают выламывать двери, плавать или просто бегать туда-сюда и кричать друг на друга».

Он в очередной раз прошёлся по квартире, внимательно оглядывая груды валяющихся всюду вещей. Любую из них или сразу все вместе он обменял бы сейчас на две пустые пластиковые бутылки. Или даже одну. А вот старый плёночный фотоаппарат с кучей непонятных колбочек и порошков для проявки ещё вполне может сгодиться для чего-нибудь. Вот только бы разобраться, как всё это работает. Смотреть в объектив и нажимать на кнопку он, конечно же, умел, а звук механического щелчка затвора доставлял ему особое удовольствие. Но как потом из плёнки получать снимки, мальчик представлял смутно.

«Не понимаю: откуда вдруг взялась вода?» – в очередной раз вернулся к навязчивой мысли Клос, поболтал металлический чайник и наполнил кошачьи миски.

– Вот я вам наливаю воду. Понятно, откуда она берётся – из чайника. В чайник она попадает из крана, в кран из трубы, а в трубу из реки... ну или из моря... нет, скорее, из реки: моря рядом нет.

Коты перестали хрустеть кормом и принялись лакать, чавкая, вылизываясь и иногда чихая.

«А вот откуда столько воды взялось на улице, совсем непонятно. Дождь есть – вода прибывает, дождя нет – вода тоже прибывает, хоть и не так быстро. Может, в этот момент он идёт в другом месте? И недели не прошло, как почти весь дом залило. Да и не

только дом – вообще всё. Интересно, есть ли сейчас где-то отдельные океаны, моря, озёра и реки, или теперь все они – одно сплошное море?»

Клос взглянул в окно, где, насколько хватало взгляда, простиралась мутноватая спокойная вода, из которой торчали верхушки прямоугольных бетонных айсбергов – многоэтажных домов.

«Если бы не было столько прыгунов из окон, она, наверное, вообще не колыхалась бы. Да и чего ей колыхаться? Деревья все под водой, они большие не качаются, следовательно, и ветру теперь неоткуда взяться. Надо не забыть смастерить вёсла: от паруса без ветра толку не будет».

Клос направился в чулан и достал оттуда старую деревянную швабру. Когда в доме появился пылесос, она стала не нужна, но её почему-то так никто и не выкинул. Теперь понятно почему: как можно выкинуть такое отличное весло?

Мальчик с довольным видом покрутил весло в руках. Осталось принести разделочную доску с кухни и гвозди. Он снова заглянул в чулан в надежде найти там ещё одно весло, но его там не оказалось.

«Лучше с одним веслом, чем вообще без вёсел. В конце концов, есть надежда найти второе весло по пути или всё же поймать попутный ветер».

Оставалась ещё одна важная задача. Мальчик уселся на корточки, зажав в руках металлическую банку, и поддел крышку. Комнату заполнил резкий запах краски. Обмакнув кисть в белую вязкую жидкость, он высунул кончик языка и старательно вывел на стенке шкафа большую букву Л. Несколько капель упали на пол, но его это совершенно не волновало. Спустя несколько минут вдоль борта красовалась надпись аккуратными печатными буквами: ЛОДКА.

«Вот теперь всё встало на свои места. Лучше и быть не может!»

Отойдя в сторону и склонив голову, Клос удовлетворённо оценил результаты своей работы.

На последнем этапе запланированных дел необходимо было выломать окно, а как иначе переместить лодку наружу? За окном темнело, крики и стуки в дверь его квартиры становились всё громче. Дождь прекратился, но вода продолжала медленно прибывать. Следовало торопиться, и Клос, взяв в руки топор и молоток, ловко отделил оконную раму от проёма и вытолкнул её наружу, стараясь не разбить стекло. Окно шлёпнулось о воду и немедленно пошло ко дну, а поднятая волна с плеском приземлилась на пол балкона, обрызгав белого кота. Тот фыркнул, резко отскочил, а затем ловко запрыгнул в лодку.

– Морские котики нам ни к чему, хотя, умей вы хорошо плавать, думаю, происходящее было бы вам только на пользу.

Мальчик взял верёвку, сделал из неё поводок и примотал белого кота к ножке стула, который теперь был его основным местом у штурвала. После этого погладил чёрного – тот уже развалился на палубе, урчал и подёргивал лапами, пытаясь избежать своей участи присоединиться к пленённому собрату.

– Хотя, судя по всему, вам и сейчас неплохо. Посмотрим, что вы скажете, когда запасы еды кончатся и придётся нырять за рыбой. Не думайте, что моя удочка прокормит нас троих! Каждый на этом корабле должен заниматься своим делом, только тогда мы сможем достичь нашей цели.

Всё было готово. Комнату заливал бурый свет заходящего солнца. Клос сидел, облокотившись на руль от велосипеда, который теперь был штурвалом, и наблюдал, как с подоконника струится водопад. Лодка покачивалась на комнатных волнах, и это успокаивало. Пол квартиры уже давно скрылся под водой вместе с бесполезными теперь вещами.

Раздался ещё один громкий удар, где-то вдалеке слышались крики – видимо, им всё-таки удалось справиться с дверью. Стоят сейчас, наверное, по грудь в воде, выискивая что-

то ценное, и выглядят очень глупо. Позади не осталось ничего: всё самое ценное находилось сейчас на борту, аккуратно разложенное по коробочкам и заботливо замотанное в водонепроницаемую плёнку.

Оборачиваться не хотелось. Впереди ждал долгий путь. Клос сделал первый гребок.

Лодка плыла прямо и на удивление хорошо слушалась руля, к которому под самым днищем был приделан направляющий киль. На улице было тепло и безветренно, поэтому приходилось активно работать веслом и постоянно подправлять штурвал.

Над головой неожиданно раздалась аплодисменты: какие-то люди с верхних этажей разглядели в темноте его лодку, засвистели и захлопали в ладоши. А потом хором пьяными головами затянули песню про какого-то отважного викинга, который не желает сдаваться врагу. Песня сопровождалась хохотом, грубыми и бранными словами, которые мальчик никогда не произносил вслух.

Лаки с Бароном не было видно – они исчезли в глубине шкафа, подальше от шума и поближе к припасам. Сразу после отплытия мальчик отцепил поводки, разрешив котам разгуливать везде, где они пожелают. Если вообще по такой тесной лодчонке, как у него, можно «разгуливать».

Какой-то мужчина высунулся из окна, в которое прямо сейчас заливалась вода, и, стоя в ней по пояс, крикнул мальчику:

– Ну и куда ты теперь? Тут, хоть оставайся на месте, хоть наизнанку вывернись, исход один!

Мужчина перешёл на какой-то очень грубый и малознакомый язык, из другого окна ему ответили на том же наречии. Кто-то захохотал, и тут же о борт лодки разбилась пустая бутылка. Мальчик втянул голову в плечи, оборачиваться не хотелось.

Ещё одна пластиковая бутылка ударила о борт и плюхнулась в воду. Клос дотянулся до неё и положил под стул, на котором сидел.

«Будет время – привяжусь к борту, рядом с остальными, чего добру пропадать», – про себя мальчик ещё раз удивился такому полезному свойству пустых пластиковых бутылок, как непотопляемость.

«Сами всегда всплывают наружу, да ещё и тащат за собой всё, что находится сверху. Вот сейчас, например, мою лодку. Кто бы мог подумать, что пустая бутылка может быть полезнее полной?»

«Странное дело, – продолжал размышлять Клос, – в каждой квартире уж точно есть шкаф, шторы, пустые пластиковые бутылки и старая швабра. Почему же все эти люди не делают лодки? Вместо этого они предпочитают бегать по этажам, ругаться друг с другом, толкаться и прыгать в воду. Наверное, всё дело в том, что они всегда очень заняты важными делами, а у меня и дел каких-то особенных нет».

Мальчик в который раз с гордостью осматривал своё творение, ощупывал парус, постукивал сапогом по палубе, проверял, крепко ли на подлокотниках лодки стоят горшки с комнатными растениями.

Неожиданно лодку качнуло и резко повело в сторону. На конце мачты затянулся узел: какой-то чужак смастерил из верёвки лассо и набросил его на самую верхушку мачты, сделанной из выдвигной металлической трубы от пылесоса. Другой конец верёвки тянулся к одному из тёмных оконных проёмов – мальчик сразу заметил его по маленькому тлеющему огоньку сигареты и редким клубам дыма вокруг. Огонёк подрагивал, а лодка рывками двигалась всё ближе и ближе к тёмному прямоугольнику.

Всё-таки остались ещё сообразительные люди. Жаль, ножа под рукой нет...»

Клос схватил весло и погрёб в противоположную от проёма сторону: движение лодки замедлилось, красный огонёк в проёме сделался ярче, а клубы дыма повалили плотными облаками. Борьба продолжалась около минуты, огонёк пытел и тянул, а мальчик грёб так быстро, как только мог. Силы заканчивались, но перспектива поближе познакомиться с огоньком заставляла держаться. Руки горели, весло становилось невыносимо тяжёлым. Из-под фуражки прямо к кончику носа прокатилась капелька пота.

Неожиданно раздался кашель и громкий всплеск: красное свечение резко прекратилось, слышались ругательства – видимо, тянуть верёвку и параллельно раздувать огонёк было непросто и отнимало слишком много сил. Лодка выровнялась, верёвка ослабла и повисла. Клос ловко поддел её веслом и сбросил в воду. Брать её на борт не хотелось.

«Интересное бы выдалось путешествие, – переводя дыхание и стараясь держаться подальше от тёмных проёмов, размышлял мальчик, – короткое путешествие: сначала шкафа, потом лодки и, наконец, пепельницы. Автор, без сомнения, изобретателен, умён, но неизвестен».

Коты, бараны и странный старик

Знакомый район уже несколько часов назад как скрылся вдали: вокруг не было ни одного дома, дерева и даже облака. Только луна – яркий плоский круг на тёмном небосводе – и лодка на бескрайнем водном зеркале, в котором больше нечему было отражаться.

Клос бросил весло на дно лодки и откинулся на спинку стула, запрокинув голову вверх. Руки гудели, ноги, как ни странно, тоже. Хотелось есть. А двигаться, напротив, совсем не хотелось. Несколько минут он сидел молча и не двигаясь, разглядывая пустое небо и луну, которая теперь казалась гораздо ближе, чем обычно.

«Интересно, если вода будет и дальше прибывать, смогу ли я дотянуться до луны?»

Наконец, мальчик поднялся и оглядел лодку. Ладонью бегло прощупал стыки, покачал мачту и борта – всё держалось крепко, после чего потянулся к половинкам дверей шкафа. Дверцы, которые были наполовину отпилены – это было необходимо, чтобы вместить стул и руль с мачтой, – сейчас открылись и образовали подобие стен: между ними натянулась плотная ткань, заранее приделанная к створкам изнутри гвоздями. Получилось некое подобие каюты, куда можно было заползти, высунув ноги наружу, или даже полностью спрятаться, свернувшись калачиком. Конечно, если предварительно вытащить оттуда часть припасов, коих здесь было немало.

Клос направил фонарик, привязанный к мачте, вглубь лодки и осмотрелся. Внутри блесло несколько лужиц воды, да и все предметы вокруг были изрядно забрызганы. Однако никаких пробоин на палубе или в бортах судна обнаружено не было. Пластиковые бутылки, привязанные к бокам и под днище лодки, слегка растрепались, но оставались на местах.

Мальчик наклонился и достал мешок с припасами: за лотком с холодной гречневой кашей и овощной подливкой последовали два куска белого хлеба и ложка. Беспокоиться, что кто-то его заметит, не стоило: вокруг никого не было, а если кто-то и был, то, наверное, покоился о том, чтобы кто-то не заметил его самого.

С аппетитом уплетая поздний ужин, Клос вдруг заметил, что коты, смиренно сидящие рядом друг с другом, пристально глядят ему прямо в глаза. Не на ложку, перемещая круглые жёлто-зелёные глаза между лотком и ртом, как делают обычно, выпрашивая еду, а именно на него. На секунду мальчику показалось, что зрачки в левом глазу Барона и левом глазу Лаки стали вертикальными. Клос помотал головой и отвёл луч фонарика в сторону.

– Ах да, совсем забыл: сначала накорми кота, потом поешь сам! – не переставая жевать, он отставил лоток в сторону и пополз на четвереньках вглубь каюты, шаря руками в темноте, в попытке нащупать нужный мешок.

– Первая умная мысль за сегодня, произнесённая вслух, – раздался бархатный голос сверху.

От неожиданности Клос выронил мешок и выпрямился. Дверцы шкафа захлопнулись, стукнув мальчика по голове, а лодка закачалась из стороны в сторону.

Чтобы не перевернуть судно, он замер и затаил дыхание. Сердце бешено колотилось в груди. Через несколько секунд, медленно пятясь назад, он вылез из-под тента и оказался снаружи. Мельком оглядевшись вокруг, скорее, чтобы убедиться в своей первой мысли, он нащупал рукой спинку стула и присел. Кажется, было совершенно ясно, что это произнёс кот, именно потому, что если бы коты говорили... чаще, то их голос наверняка звучал бы именно так. Мальчик поочерёдно переводил взгляд с одного кота на другого, а те, в свою очередь, наблюдали за ним. Возникла пауза, если так можно назвать тишину, которая появляется, когда монолог между человеком и котом впервые стал диалогом.

– Вы будете кашу или что-нибудь... кошачье? – на слове «каша» он придвинул к котам свой лоток, а на слове «кошачье» просто развёл руками. Он старался сделать голос максимально спокойным, естественным и вообще делал всё возможное, чтобы взять себя в руки.

– Как обычно, – проговорил белый.

– Снаружи столько всего необычного. Хочется, чтобы внутри... – добавил чёрный и умолк.

– ...Всё было как всегда, – закончил белый кот, на последних словах повернувшись к чёрному. Его голос был странным, тягучим и низким, очень похожим на то, как говорят люди, когда изображают, как говорят коты, Выражение его морды при этом не менялось, только рот слегка приоткрывался, а усы шевелились.

Мальчик, наконец, нащупал позади себя пачку кошачьего корма с кошачьей миской и щедро, с горкой, отсыпал внушительную порцию. Коты одновременно спрыгнули с борта лодки, который раньше служил деревянным подоконником, и, аккуратно обойдя лужицы, принялись за еду.

В голову не лезло ни одного нормального вопроса, настолько необычной была ситуация, поэтому Клос просто молчал, блуждая взглядом по бесконечной водной глади и иногда косясь на жадно жующих попутчиков.

– Почему вы раньше не говорили, что умеете... говорить? – наконец сформулировал свой главный вопрос Клос, пододвигаясь поближе.

– Меньше говоришь – больше можешь видеть, – Лаки начал облизывать свою белую шёрстку и в целом вёл себя как обычно, кроме того, что иногда говорил.

– Ну, «меньше» не значит совсем не говорить? – возразил Клос.

– Совсем не говоришь – совсем всё видишь, – кот запрыгнул обратно на подоконник и, растянувшись на нём, хитро глядел на Клоса. Казалось, он улыбался.

Мальчик призадумался: ответы котов казались довольно логичными, а его вопросы, напротив, звучали достаточно глупо. Теперь он решил более тщательно продумывать, что спрашивать, но это было трудно, поскольку мысли разбегались, а сердце всё ещё громко колотилось.

– Кстати, куда мы направляемся? – черный кот Барон тоже запрыгнул на подоконник, точнее вторую свободную его половинку, и медленно огляделся.

– Туда, где зелёная трава, яркое солнце и бесконечные тропинки: ходи куда хочешь! – уверенно произнёс Клос слова, которые с каждым гребком крутились у него в голове. – Сами видели, что на прежнем месте в любом случае оставаться было невозможно. Все, кто остался, через несколько дней неизбежно окажутся под водой, если, конечно, тоже не построят лодки. Но на всех лодок точно не хватит, поэтому здесь в любом случае безопаснее, чем там. Я уже всё продумал! – Клос снова полез внутрь лодки и извлёк оттуда пластиковый тубус, обмотанный изолентой.

Размотав её и открутив крышку, он вытряхнул наружу маленький компас, несколько карандашей и школьный атлас с картой мира. Бегло вытер тряпкой пол вокруг, снял с мачты фонарик, сел на корточки и направил луч на карту.

– Вот здесь – горы, – он провёл пальцем по карте, – это довольно далеко отсюда, но если держаться севера и грести по 7–8 часов в день, то очень скоро мы окажемся на месте. Я всё рассчитал, провизии должно хватить. Это компас, – слово «компас» он произнёс чуть громче и отчётливее, демонстрируя умный механизм обоим котам по очереди. – Он поможет нам понять, где север и куда надо держать курс. У меня было несколько дней на подготовку, так что я успел всё хорошенько продумать. Вода не может подниматься бесконечно. Мы сможем добраться до вершин самых высоких гор и подождать, пока вода испарится или ещё что-нибудь произойдёт и её уровень снизится. Конечно, это будет происходить постепенно, придётся подождать, но мы – те, кто всё-таки сделал лодки и доплыл, – будем плавать друг к другу в гости, между островами, которые раньше были вершинами, и чем ниже будет уровень воды, тем больше будет становиться земли. Скорее всего, на вершинах этих гор найдётся какая-нибудь живность, например горные бараны, и мы сможем их разводить...

– Кто окажется? – перебил его Лаки.

– Горные бараны: это что-то вроде овец, только с рогами, пушистые, говорят, их немного осталось.

Он посмотрел на котов, которые молчали, явно ничего не понимая в баранах: – Сейчас я нарисую.

Клос взял карандаш и прямо на карте, рядом с горой, нарисовал барана.

– Вот. Примерно такой.

Коты молчали. Барон от скуки покусывал стоящую на подоконнике с цветами фиалку. Каждый горшок с растением был закреплён через специальные дырочки, которые имеются на доньшке почти любого горшка, и можно было не беспокоиться о том, что он свалится за борт. Среди цветов было даже миниатюрное апельсиновое дерево.

– Кстати говоря! – Клос показал на замотанную пищевой плёнкой коробку в самом дальнем углу шкафа за дверцами, – Я взял с собой семена, их немного, но для начала хватит. Мы сможем выращивать овощи и фрукты прямо на вершинах гор. Знаю, что там раньше было холодно, но теперь везде вода и, скорее всего, климат тоже сильно изменился. Или изменится к моменту, когда мы доберёмся туда. Вот такой план. Что... скажете? – на слове «скажете» мальчик загнулся, он ещё не привык обращаться к котам со всей серьёзностью.

– Хороший план. Хорошо всё, кроме баранов. – Барон потянулся и сел.

– А что с баранами? – нахмурился Клос.

– Там, где одни бараны, нет места людям.

– И котам, – добавил Лаки.

– Да. Тем более котам, – подтвердил Барон.

– К тому же твоя бумажка с двумя кругами... – Лаки неожиданно прыгнул прямо на барашка, помяв его передними лапами.

– Карта, – подсказал Клос.

– Эта карта никуда не годится.

– Почему никуда не годится? Это отличная карта, по ней моряки сотни лет плавали через моря и океаны, открывали новые острова и даже целые континенты! Это всем давным-давно известно! Вот здесь находится широта, а вот тут – долгота. Они нужны, чтобы...

– Всем давным-давно было известно, что коты не говорят, – Лаки не дал мальчику закончить мысль.

– А коты говорят... – протяжно повторил Барон.

Клос хотел было возмутиться и всё-таки доказать упрямым котам важность карты, но в нескольких метрах от лодки надулся и лопнул большой пузырь, а следом ещё один. Лаки с Бароном, наострив уши, пристально следили за появляющимися и лопающимися пузырями. Но, когда вода на месте появления пузырей забурлила и из глубин стал быстро подниматься сгусток света, мигом спрыгнули и исчезли за дверцами каюты с припасами. Мальчик схватил компас, думая, в каком направлении удирать, но стрелка вращалась по кругу, подсказывая, что в данный момент направление не имеет значения, лишь бы подальше и поскорее. Свободной рукой он уже сжимал весло, готовясь сражаться или грести: что именно, он и сам пока не решил. Меньше всего сейчас ему хотелось встретиться с каким-нибудь морским чудовищем вроде глубоководного удильщика, приманивающего более мелких рыб своим мерцающим фонарём. Или другими не менее жуткими и опасными созданиями, которые теперь вырвались из глубин океанов и спокойно могли плавать везде, где только им только заблагорассудится.

– Нападём первыми! – произнёс Клос, обращаясь к швабре с тяжёлой разделочной доской на конце, – может быть, ты так и не стала отличным веслом, зато отличным оружием станешь точно, – с этими словами он занёс своё оружие над головой, глубоко вдохнул и, как только существо показалось из воды, что было сил нанёс удар. Раздался гул, такой, словно ударили по железному ведру, наполненному водой. Приближающийся свет стал нестерпимо ярким. Мальчик зажмурился и, даже не видя, по чему попал в первый раз, что было сил ударил снова. Гул повторился, движение и бурление прекратилось.

Жмурясь от света и прикрывая глаза ладонью, Клос увидел перед собой огромную всплывшую металлическую бочку со следами сварки и заклёпками, местами ржавыми. Из бочки торчал прожектор, источая нестерпимый, слишком яркий для такой спокойной лунной ночи свет.

Это была подводная лодка, довольно старая, насколько мог судить мальчик. Ну а если это лодка, то у неё должен быть капитан и к его появлению необходимо быть готовым.

Клос натянул фуражку пониже, прямо на глаза, чтобы казаться взрослее, слегка расправил плащ, поднял воротник, натянул перчатки и, опершись на весло, стал соображать, как лучше действовать в такой странной ситуации.

Долго ждать не пришлось: люк подводной лодки с лязгом распахнулся, послышался кашель, а затем на фоне луны из люка стала появляться фигура, высокая и стройная. Фигура забралась на крышу лодки, и через несколько секунд перед носом мальчика уже болталась старая лампа, внутри которой горел настоящий, живой огонь. Похожую лампу, как и подводную лодку, мальчик встречал только в фильмах и книгах, и этой ночью она горела куда ярче его маленького электрического фонарика, но куда слабее прожектора, который погас, как только фигура вылезла наружу. Мальчик смог хорошо разглядеть лампу – она была металлической, болталась на короткой цепочке, слегка коптила и пахла маслом. Чтобы не обжечься, на правой руке незнакомца была надета толстая перчатка.

Фигура откинула капюшон. За ним скрывалось лицо старика – худое, бледное и угловатое, без бороды. Лицо обрамляли длинные, тёмные, уходящие под плащ волосы. Глаза закрывали круглые чёрные очки на толстой резинке, такие, которыми пользовались сварщики, чтобы не портить зрение.

– Кхе-кхе, доброй ночи, капитан! – прокашлявшись, с кривой улыбкой произнёс старик. Его голос был крепким и слегка хрипловатым, как у всех пожилых людей. – Разглядел ваш фонарик сквозь толщу воды и решил полюбопытствовать, кто забрёл в наши края в столь поздний час. Давненько здесь не было гостей.

– Доброй ночи! – как можно более низким и неприветливым голосом проговорил Клос. – Я просто проплывал мимо и остановился перекусить.

– Перекусить? Здесь? – старик расхохотался, тыча в мальчика пальцем и согнувшись пополам. – Проплывал и остановился перекусить, надо же, какое дело! – его смех вдруг перешёл в кашель, что, впрочем, не мешало старику продолжать весело смеяться.

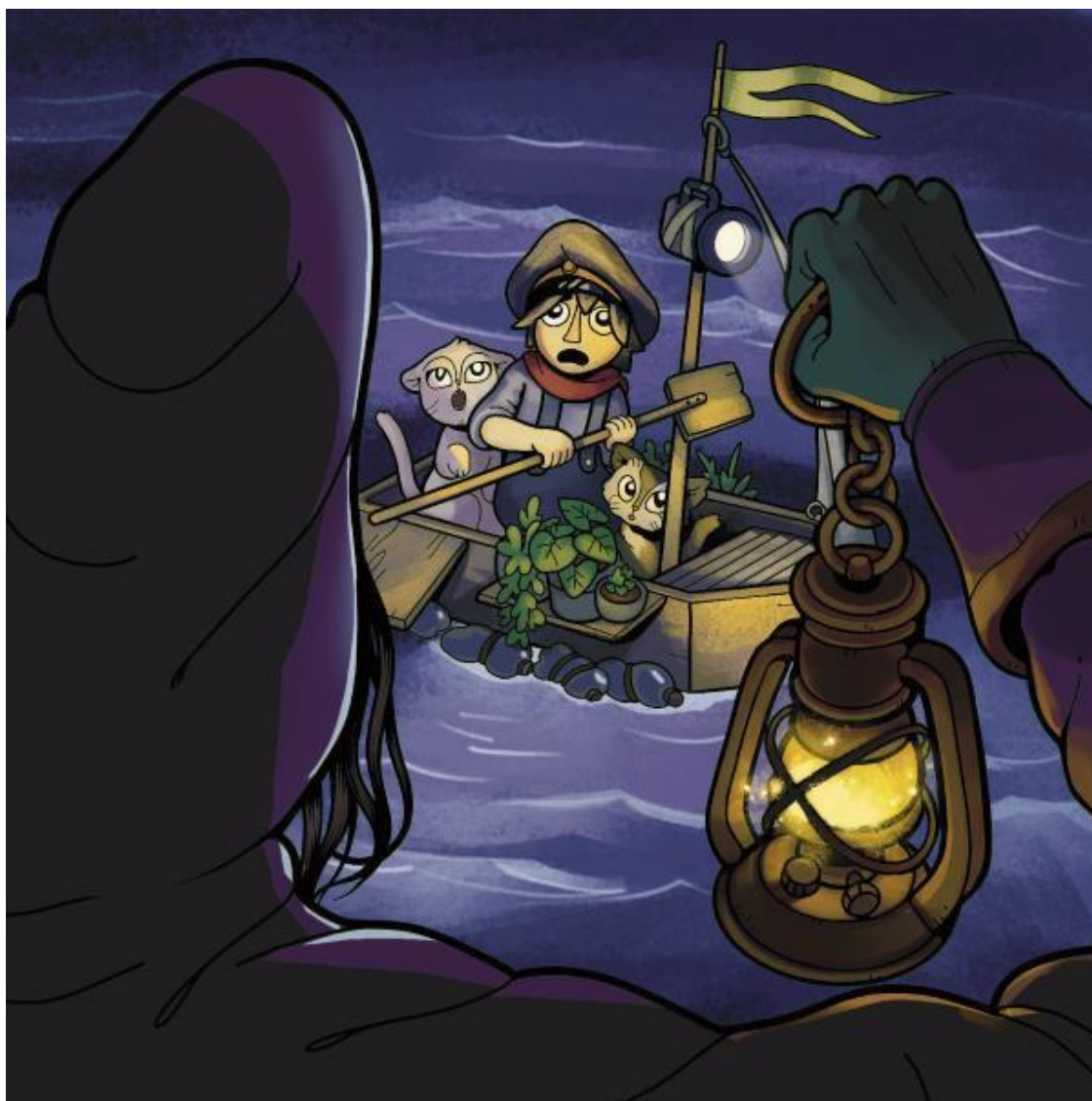
– Как вас зовут, юноша?

Клос замялся:

– Джек. Меня зовут Джек.

Старик вытянул шею и сделал шаг к лодке:

– Стало быть, Джек... хм... не вижу здесь никакого Джека, быть может, всё дело в этом, – старик своей длинной жилистой рукой подтянул лодку Клоса ближе и поставил свой фонарь прямо на её борт. После чего медленно поднял чёрные очки себе на лоб и склонился ниже к мальчику, пытаясь заглянуть под капюшон плаща. Клос же буквально сжался в комок и крутил во все стороны головой, не давая это сделать.

Чтобы погасить неловкую паузу, вызванную неожиданным даже для самого Клоса враньём, добавил:

– А вас как зовут?

– Меня? Можешь называть меня просто Старик, ведь я, не зная, как тебя зовут, назвал тебя юношей, поэтому ты в ответ можешь называть меня Стариком!

Он опять разразился своим смехом-кашлем, а потом неожиданно умолк и уставился на цветы в горшках, стоящие на правом от Клоса «подоконнике»:

– Что это у тебя здесь такое, юноша?

– Это горшки... цветы... горшки с цветами. Вот там – фиалки, это – апельсин, остальные сам не знаю, как называются...

От волнения последнюю фразу Клос произнёс своим обычным голосом, но быстро собрался и грубовато добавил:

– Никогда цветов не видели?

– Послушай, какое дело...

Старик шагнул к горшкам с цветами и аккуратно, двумя пальцами пощупал пушистый листик одной из фиалок.

– Чудесно! Когда-то давно я, кажется, видел цветы, но, оказывается, совсем забыл, как они выглядят. Надо же, какое дело... – Старик рассматривал и трогал цветы, а потом вдруг

шагнул к мальчику и заглянул ему прямо в глаза. – Послушай, продай мне цветы! – Клос не успел отвести глаза, их взгляды встретились. Глаза Старика показались мальчику даже более чёрными, чем очки, которые тот снял. Прикидываться теперь не было никакого смысла.

– Понимаешь, какое-дело... Погляди! – он взял Клоса под руку и заставил заглянуть внутрь люка, из которого недавно вылез. Чтобы разглядеть то, что показывает Старик, мальчику пришлось встать на мы-сочки и перегнуться через борт своей лодки. Внутри Клосу не удалось разглядеть ничего, кроме большого старого сундука («*а бывают ли вообще сундуки новыми?*») и длинного свёртка странной формы из плотной чёрной ткани, перевязанной верёвками с обеих сторон. На свёртке белыми латинскими буквами было что-то написано; что именно, было не разобрать.

«*Неужели там человек?*» – пронеслось в голове у мальчика. Он сглотнул. Кажется, слишком громко.

Старик подхватил чадящую масляную лампу, довольно ловко, прямо вместе с ней нырнул в люк и, подойдя к сундуку, свободной рукой опрокинул крышку. Сундук доверху был наполнен монетами самых разных размеров и форм.

– Смотри! – Старик легко, одной рукой пододвинул тяжеленный сундук поближе к мальчику, – Понимаешь ли, я уже очень давно и очень тяжело работаю, так давно, что и вспомнить теперь нелегко. Кхе-кхе! За это время мне удалось заработать множество монет, великое множество монет. Фартинги, тугрики, дублоны, таллеры, доллары, – он зачерпнул горсть и швырнул обратно. – Целый сундук монет! Но я так давно не видел живых цветов. Сколько же лет я их не видел? – Какое-то время он смотрел куда-то вдаль, потом резко задрал голову, поднеся фонарь к самому носу мальчика: – Ты должен продать мне цветы, сколько ты за них хочешь?

Клос зажмурился и отшатнулся:

– Понимаете, цветы не продаются. Я планирую доплыть до самых высоких гор, там они мне понадобятся, чтобы посадить. Все тогда смогут их видеть, а я стану знаменитым путешественником. Люди будут благодарны мне за такой подвиг. А в ваших деньгах нет никакого смысла: не осталось ни магазинов, в которых за них что-то можно было бы купить, ни людей, которые за эти деньги могли бы сделать что-нибудь полезное. Одно сплошное море вокруг.

Старик расстроено взял двумя пальцами из сундука монету – на ней был изображён рыцарь на коне, протыкающий копьём пасть змея, – и оглядел со всех сторон:

– Понимаешь, какое дело, а ведь ты не прав: в некоторых местах очень даже нужны. Ну и почти везде ими можно делать так, – он перехватил монету поудобнее, примерился и запустил по водной глади. Монета сделала несколько скачков, оставляя круги на воде, и исчезла. – Юноша, давай так: если ты запустишь монету и она проскочит меньше моей, я забираю цветы, а если наоборот, ты забираешь сундук? Весь сундук. Монету выбирай любую, но рекомендую вот эти, продолговатые: лучше всего лежат в ладони и скачут дальше.

Клос на секунду задумался и смело произнёс:

– От вашего огромного сундука моя маленькая лодка сразу пойдёт ко дну вместе со всеми монетами. Такое богатство сейчас мне точно не по плечу.

Старик со вздохом присел на край лодки Клоса, отчего она опасно накренилась, и снова указал пальцем внутрь подводной лодки:

– Я очень много времени провожу там, внизу. Внутри довольно тесно и очень душно, из-за этого я всё время кашляю! Кха-кхо! Если бы у меня был хотя бы один цветок, он бы вырабатывал кислород и поглощал углекислый газ. Я бы смог оставаться на глубине гораздо дольше, выполнял свою работу гораздо лучше и здоровье своё поправил. Ну? Что скажешь?

Клосу стало жалко несчастного трудягу:

– Ладно, если вы любите цветы, я подарю один, просто так, держите! – он отсоединил горшок, который был ближе всего к Старика, и протянул ему.

– Просто так? Смотри, какое дело... – Старик приблизил цветок к своему лицу, глубоко вдохнул и снова расхохотался. Начал спускаться по лестнице, но, остановившись, обернулся и помахал мальчику:

– Знаешь, пожалуй, и я подарю тебе кое-что... просто так! – он затушил свою древнюю лампу и ловким движением захлопнул люк. Через несколько секунд вода забурлила, прожектор вновь вспыхнул, лодка исчезла в пучине.

«Какой странный старик. А ведь мог бы потопить мою маленькую посудину за секунду, если б захотел. Забрать все цветы, да ещё и пару котов в придачу».

Мальчик с облегчением выдохнул, сбросил перчатки, рухнул на стул и засунул руки в карманы. В его ладонь ткнулось что-то холодное и твёрдое. В свете электрического фонарика он разглядел монету, на которой был изображён глаз, похожий на тот, что мальчик когда-то видел в учебнике истории. Он улыбнулся и запустил монетку по воде. Она проскакала несколько раз, оставляя за собой круги, и скрылась вслед за удивительным кораблём Старика.

Прибытие в «Камень и бархат»

Когда Старик скрылся из виду, оба кота тут же вышли на палубу и как ни в чём не бывало принялись вылизывать шерсть.

– Удивительный старикан, вы видели? И лодка у него удивительная, старая, как из музея. Сразу видно, что он бороздил моря и океаны задолго до того, как вода поднялась. Наверное, бывший моряк, может быть, даже пират. Интересно, пираты ещё остались? Говорят, что их давно уже нет, но в текущих обстоятельствах они вполне могли бы появиться снова. Главное, чтобы был корабль, а пираты найдутся. Значит, не всё ещё пошло ко дну! Слышали? Старик говорил о местах, в которых до сих пор используются деньги, ну а если есть деньги, значит, и люди есть. Ну и коты наверняка тоже.

Мальчику никто не ответил, и он снова взялся за весло.

– Невероятно, ну неужели в мире живут миллионы котов и кошек и никто ни разу не проговорился? Уверен, что бывали случаи, когда люди узнавали о том, что вы умеете разговаривать!

– Такое иногда случается, очень редко.

– И что происходит тогда? Ведь если бы об этом узнал хоть один человек, то сейчас об этом знал бы весь мир! А в мире никто даже не подозревает ни об одном говорящем коте или кошке.

Лаки и Барон переглянулись.

– Болтливые коты возвращаются домой раньше срока, – немного грустно промурлыкал Лаки, – да и не все люди такие болтливые, как ты.

– Домой? Разве коты не живут дома, с людьми?

Мальчик не стал реагировать на кошачью колкость, поднял с пола лоток с недоеденной холодной гречневой кашей и принялся соскребать со стенок её остатки, время от времени оставляя ложку и хватаясь за весло. Путь предстоял долгий, поэтому, несмотря на необычность происходящих вокруг событий, следовало оставаться практичным и беречь запасы еды и воды. А если есть и грести попеременно, то и плыть можно гораздо быстрее.

– Нет, коты живут в домах людей, а не дома, – назидательным тоном пояснил Барон, окончательно стряхнувший с себя остатки капель.

– Это большая разница, – закивал головой Лаки.

То, как именно коты говорили и как при этом себя вели, выглядело очень странно. Повадки котов, их движения не менялись, но когда они произносили слова, то как будто ино-

гда забывали смотреть на собеседника. Когда же вспоминали об этом, то резко переводили на него взгляд. Порой они просто кивали или покачивали головой, как будто без таких жестов мальчик не смог бы до конца понять смысл их слов.

– А где находится кошачий дом? Это какое-то особое место? Есть ли там люди? Как там всё устроено?

Чтобы не казаться очень навязчивым, Клос перегнулся за борт и стал полоскать в тёмной воде посуду. В какой-то момент он случайно выпустил пластиковый контейнер из рук, и тот, вместо того чтобы остаться на поверхности, стал медленно погружаться в воду. Мальчик резко подхватил его, отчего лодка покачнулась, и коты, не желая в очередной раз намочнуть, запрыгнули повыше.

– Вы видели?! – крикнул удивленно Клос. Он вскочил, дотянулся до деревянного весла, медленно погрузил его в воду, аккуратно поддерживая снизу, чтобы проверить свою догадку. Весло тоже опустилось под воду и явно пошло бы ко дну, если бы не ладонь Клоса. – Дерево тонет! И пластик тоже! – он перевёл взгляд на Барона, а в голове мелькнула интересная мысль.

– Даже не думай, – твёрдо произнёс Барон, чуть отстранившись, – ныряй сам!

Мальчику нырять совсем не хотелось. Вместо этого он достал из глубин трюма короткий кусок верёвки и намотал его на конец весла, сделав небольшую петлю, которую накинуд на запястье. Теперь, даже если оно выскользнет из рук, бояться нечего. Молча продемонстрировав свою работу Лаки и Барону, он сел за велосипедный штурвал и продолжил грести.

Никогда раньше Клосу не приходилось управлять лодкой, но с каждым гребком руки двигались всё уверенней, влияние корпуса становилось всё менее заметно, а брызг поднималось меньше.

Сосредоточившись на своей работе и обдумывая необычное поведение воды за бортом, он ненадолго забыл о своём вопросе про кошачий дом. Когда же мальчик о нём вспомнил, оба кота уже мирно спали на подоконниках слева и справа от него, и Клос решил их не беспокоить. Свернувшиеся калачиком четырехлапые пассажиры ровно и спокойно дышали, а по колыханию шерсти можно было угадывать направление ветра, не задирая голову кверху, где на вершине мачты развевалась жёлтая лента.

Парус до утра мальчик решил не поднимать, боясь наткнуться в темноте на айсберг или ещё какое-нибудь водное препятствие, которое могло неожиданно вырасти на пути – например, многоэтажку или чью-нибудь лодку. Поэтому он, прищуриваясь, внимательно вглядывался в тусклый свет фонарика, еле пробивающего плотную темноту, и усиленно работал веслом, время от времени сверяя направление с компасом.

Маленький механический будильник, который он тоже захватил с собой (именно механический, потому что он не требовал замены батареек, его требовалось лишь иногда заводить) издавал равномерное тиканье и показывал далеко за полночь.

Руки уже изрядно потяжелели, на ладонях проступили красные пятна, предвещающие появление мозолей. Клос зевнул, положил весло на дно лодки и достал тетрадь в твёрдой обложке, обёрнутую в пакет. На обложке было аккуратно выведено: «Судовой журнал».

Он положил тетрадь себе на колени и раскрыл. На первой странице числились состав команды и название корабля – ЛОДКА. Мальчик перевернул страницу и перечитал написанные ранее им самим строки:

*Солнца не видно
Самодельная лодка
Вдаль уплывает*

Клос оглянулся вокруг, глубоко вздохнул, на секунду задумался и дописал ниже:

*Сплошное Море
Конец и два начала:
Компас и будильник*

С момента, как он спрятал судовой журнал в каюту, прошло уже больше четырёх часов. Пять минут он грёб стоя, десять – сидя, а затем две минуты отдыхал, вытянув ноги и разглядывая всё вокруг. Будильник показывал, что уже давно должен был наступить рассвет, но небо по-прежнему оставалось иссиня-чёрным со множеством звёзд. Из-за непрерывной работы ему временами становилось жарко, он даже снимал плащ, но после очередного двухминутного перерыва опять замерзал, и это подталкивало снова браться за весло. Ладони нестерпимо жгло, Клос догадался надеть перчатки, но даже они уже не помогали. Сил совсем не оставалось, пора было сделать длительный перерыв, отдышаться и, возможно, слегка вздремнуть.

Клос посмотрел на Барона, спящего рядом, и хотел было разбудить его, попросить покараулить, но за мальчика это сделала крупная упавшая с неба капля – Барон от неожиданности дёрнул ухом. Несколько следующих капель заставили его вздрогнуть, и спустя пару секунд он уже сидел в тихой уютной каюте в задней части лодки вместе с Лаки.

Прямо по курсу в свете электрического фонарика выросла стена дождя, с шумом разбиваясь о водную гладь. Удивительно, ведь обычно всё растёт снизу вверх, а эта стена, как и подобает всем дождевым стенам, поднималась сверху вниз. Мальчик схватил весло и остановил лодку прямо перед препятствием. Всего в метре от них сверкали молнии и бушевали волны, а позади была тихая водная гладь, которую беспокоила лишь покачивающаяся лодка.

«Удивительное явление! – он вытянул руку, – это же граница дождя! Впервые такое вижу – наверняка хороший знак!»

Не успел он об этом подумать, как огромная волна подхватила судёнышко и грубо швырнула вперёд.

Клос резким движением накинул на себя уже насквозь мокрый плащ, рассовал по карманам будильник и компас, закрыл кусками пакетов цветы на подоконниках и вслед за котами юркнул в тесную каюту. Чтобы поместиться, ему пришлось открыть дверцы, между которыми тотчас же натянулся кусок непромокаемой ткани, и поджать под себя ноги.

– Да уж, погодка выдалась... – проворчал он. – Надеюсь, лодка не перевернётся, иначе всю землю в горшках для цветов размочит и они вывалятся, а нам придётся добираться до цели вплавь. Коты хорошо плавают? – он ехидно посмотрел на пушистых соседей, которые вздрагивали от каждого удара грома и шума дождя, захлёстывающего каюту. Лаки с Бароном предпочли не отвечать, прижавшись друг к другу и боязливо глядя круглыми глазами на всполохи света впереди.

– Ладно, ничего – продолжал мальчик, – я тут припас кое-что, и это кое-что нам поможет, правда, для этого опять придётся выйти наружу.

Он набрал в лёгкие воздуха, как будто собирался нырять, и резко выскочил на палубу. Неба совсем не было видно, свет от электрического фонарика (к счастью, он был водонепроницаемым) терялся в бушующих волнах, вся палуба уже была покрыта водой, и её уровень прибывал. Клос пригнулся, стараясь не упасть с раскачивающейся от порывов ветра лодки, пробрался к её носу, дотянулся до чего-то за бортом и поспешно протиснулся обратно в каюту.

В руках мальчик держал конструкцию из восьми крупных пластиковых бутылок, сцепленных по четыре штуки квадратом. В них он продел руки – получилось что-то вроде спасательного жилета, который он немедленно закрепил на себе, потянув за лямки.

Шторм усиливался. Ничего не было видно, зато хорошо были слышны грохот дождя, удары волн о борт лодки и раскаты грома, почти непрерывно раздающиеся со всех сторон. Каюта уже совсем перестала спасать от водяных струй, вода в лодке постепенно прибывала. Клос стоял на четвереньках на палубе и кружкой непрерывно вычерпывал воду. Лаки с Баро-

ном, прижавшись друг другу, дрожали в самом отдалённом уголке каюты на тюках с припасами и наблюдали за происходящим.

Новая вспышка молнии высветила впереди что-то большое и чёрное, уходящее ввысь насколько хватало глаз. Сначала мальчик решил, что ему показалось, но, приглядевшись, понял, что не ошибся. Жмурясь от проливного дождя, Клос разглядел несколько пятен света и понял, что перед ним маяк или огромная округлая башня, которая почему-то не скрылась под водой, а продолжала стоять прямо среди моря. Сплошного Моря, которое в этот момент показалось мальчику не таким уж сплошным. И, судя по отблеску тусклого света в окнах, башня была обитаема.

«Какой же высоты эта махина?» – он схватил весло и направил лодку к башне, изо всех сил пытаясь удержать направление и не дать судну разбиться о стену. Вблизи она казалась ещё более высокой. Клосу удалось разглядеть множество труб, выходящих из окон, оплетающих стены и тянущихся вверх, словно змеи. Из некоторых шёл дым.

«Если есть дым, значит, есть и огонь, стало быть, и жаркое найдётся».

Ветер и волны швыряли маленькую лодку из стороны в сторону, а мальчик орудовал веслом, то отталкиваясь от стены, то, наоборот, подгребая ближе, стараясь обогнуть башню по кругу и найти в ней хоть какой-то намёк на причал. Неожиданно он увидел прямо в стене дома широкую квадратную ржавую дверь, над которой торчал не менее ржавый металлический крюк.

Это был их шанс.

Клос на секунду отпустил весло и схватил верёвку. Нужно было постараться набросить её на крюк, тогда можно было бы притянуть лодку ближе к двери, открыть её и постараться проникнуть внутрь. Мощной волной лодку бросило прямо на стену дома, и Клос едва успел опереться веслом, чтобы лодка не перевернулась. Спустя несколько неудачных попыток он таки набросил верёвку на крюк и подтянул лодку к двери. Это была массивная дверь, с маленьким окошком прямо посередине и толстой ручкой-кольцом, болтающимся под ним. Мальчик несколько раз дёрнул за ручку, но дверь была заперта.

Тогда он ухватился за мокрое холодное кольцо, стараясь удержать равновесие, и с силой постучал. Глухой протяжный гул от ударов был слышен даже сквозь бушующий шторм. Ответа не последовало. Мальчик одной рукой продолжал держаться за кольцо, а другой крепко натягивал верёвку, удерживая лодку на крюке.

«Ну вот, видимо, мы сейчас и узнаем, умеют ли коты плавать, особенно в этой странной воде. Если нет – науку. На своем примере. Хорошо, жилет надел. Вода холодная. А сил уже почти не осталось».

Наконец створка маленького окошка в метре над мальчиком со скрипом сдвинулась в сторону, и наружу высунулась голова человека в очках. Голова пристально осмотрела самого мальчика, лодку и всю обстановку вокруг, потом что-то пробормотала – что именно, он не расслышал из-за шума – и снова скрылась. Створка окошка захлопнулась.

– Эй, вы куда?! Откройте! – Клос ещё раз ударил по двери, из последних сил удерживая верёвку и лодку на месте. Ослабь он хватку сейчас – их вмиг унесло бы в открытое море, поэтому мальчик держал.

Неожиданно дверь провалилась вовнутрь, проглатывая их маленький кораблик вместе с изрядной порцией морской воды. Клос от неожиданности выпустил из рук верёвку и повалился на дно лодки, которая проехала ещё несколько метров и плавно остановилась.

– Задраивайте! Задраивайте, дармоеды! – раздался громогласный приказ, эхом отозвавшийся по всему помещению. Мальчик поднялся и осмотрелся. Он находился в довольно просторном тёмном помещении, освещённом несколькими факелами вперемешку с тускло мерцающими электрическими лампочками. От самой двери вглубь зала тянулась узкая полоска воды, по которой они проскользнули вовнутрь, а по обеим сторонам от неё высились стены.

Лодка мальчика была остановлена неким подобием рыболовной сети, натянутой по обе стороны, за которой грудились другие лодки. Их было много – десятки, если не сотни: очень большие, почти корабли и совсем маленькие, вроде той, на которой приплыл Клос. Они уходили в темноту просторного бассейна – именно туда перерастала полоска, соединяющая бассейн с открытым морем.

– Отцепляйте сеть! – скомандовал тот же голос. – Ну! Живее!

Сеть ослабла и ушла под воду, лодка медленно продвинулась дальше, в просторный зал, где пол постепенно становился вровень с водой. Повсюду виднелись лодки. Некоторые были очень простыми и скорее напоминали плотики; некоторые, наоборот, были просторными и даже оснащены моторами.

– Добро пожаловать! Добро-о-о... пожаловать! – кричал, спускаясь по лестнице, низенький человечек преклонного возраста с короткой окладистой бородкой, держа перед собой едва горящий фонарик со свечкой внутри. Каждые несколько ступенек он переводил дыхание, с трудом переставляя свои маленькие ножки и опираясь на глянцевую тросточку, по поверхности которой скользили блики от лампочек на стенах.

Клос ещё не выбрался из лодки, когда человечек поравнялся с ним – это, несомненно, были те же глаза, что мальчик видел в окошке. Цепкий оценивающий взгляд пробивался сквозь золотистые дужки овальных очков. На его довольном лице с лёгким румянцем на щеках играла заискивающая улыбка. Когда человечек учтиво поклонился, мальчик разглядел на его затылке аккуратную красную шапочку.

– Спасибо за то, что согласились впустить меня. Снаружи бушует шторм, если бы не вы, мы бы точно перевернулись, – мальчик протянул руку человечку. Тэт полностью осмотрел её и даже аккуратно пощупал, но не пожал.

– Что вы, что вы... не нужна мне ваша рука, раз уж вы весь здесь! – он с ног до головы осмотрел мальчика, а затем и лодку. – Позво-ольте-с. – человечек ловко спрыгнул внутрь и похозяйски осмотрелся. – Продаёте? Я могу её купить, – человечек опять улыбнулся и уставился на Клоса. Вообще, кажется, у него была такая привычка: после каждой фразы делать паузу и расплываться в улыбке.

– Нет, мне просто нужно укрыться от бури ненадолго, меня зовут...

– Не-е-т, нет, нет, нет... – прервал его человечек, не переставая улыбаться, – в этом тёмном и сыром месте мы не называем своих имён! Позвольте сперва пригласить вас в гостиную, на чашку согревающего ароматного чая, – и он жестом пригласил Клоса пройти вперёд.

Мальчику было не по себе, доверять незнакомцам он не привык, но выбора не было. Лаки с Бароном не было видно, и Клос решил не выдавать, что он на лодке не один. Он вскарабкался на высокий парапет и обернулся.

– Вот теперь мне пригодится ваша рука, не подадите мне её? А? – человечек рассмеялся, а мальчик понял, что он не может выбраться из лодки самостоятельно. Смех у человечка был мягкий, стариковский, с лёгкой хрипотцой. Клос протянул ему руку, и тот не без труда взобрался и встал рядом.

– Прошу сюда, – широким театральным жестом Человечек (так Клос и решил называть его про себя) указал на лестницу, ведущую наверх.

Преодолев лестницу, взбираясь по которой Человечек непрестанно охал и ахал, при этом решительно отказываясь от помощи, они очутились в длинном коридоре с зелёной бархатной ковровой дорожкой, ведущей к просторному залу. Как только они вошли, дверь за ними сама по себе захлопнулась. Человечек улыбнулся и жестом поманил мальчика за собой. На потолке висели люстры самых разнообразных форм, но непременно с электрическими лампочками, которые постоянно и неравномерно мерцали, видимо, из-за бушующего на улице шторма. Так непривычно и приятно было идти по ровному бархатистому полу, который не стремится выскользнуть из-под ног, как мокрая лодка. По обе стороны коридора, одна напро-

тив другой, ютились ряды деревянных дверей без ручек, из-за которых доносились чьи-то приглушённые голоса.

– Это постояльцы, – пояснил Человечек, – не всё сразу, но вы поймёте. Всё поймёте, но не сразу.

Он замурлыкал себе под нос песенку на мотив, который, казалось, придумал только что: «Всё поймёте, но не сразу, а поймёте сразу разом. Сразу разом», – по ковру Человечек шёл гораздо увереннее, чем по лестнице, и, видимо, был весьма доволен собой.

– Присаживайтесь, молодой человек! Теперь вы гость нашего гостеприимного заведения. – Он опять расплылся в улыбке: – Подать уставшему путнику горячего чая! Музыку!

И тут же слева из-за портьеры кто-то затянул торжественную мелодию, впрочем, не очень умело, а из-за плеча появилась чашка самой изысканной формы на голубом блюде с горячим ароматным чаем. Всё это напоминало хорошо отрепетированный спектакль, который явно разыгрывался далеко не первый раз.

Место, где очутился мальчик, поражало своим убранством: в просторном зале цилиндрической формы с высокими потолками повсюду висели бархатные шторы, преимущественно зелёного и бордового цвета, а стены украшали старинные картины, оружие и доспехи. Мебели, напротив, почти не было: посередине зала стоял большой резной деревянный стол, за которым в деревянном бордовом кожаном кресле, уже изрядно потрёпанном и растрескавшемся, развалился Человечек. Было понятно, что взбирается он на кресло по маленькой приставной лесенке. Клос присел напротив на необычайно удобный мягкий стул с причудливо изогнутыми подлокотниками.

Человечек запел, размахивая своей тросточкой, словно дирижёрской палочкой:

*Бороздя Спошиное Море, на шкафах, дверях и стульях,
Вы поймёте, но не сразу, кто вас в башне караулит.
Приглашает, угощает, развлекает вас рассказом,
Всё поймёте, но не сразу, а поймёте сразу разом!
Сразу разом!*

*Хочешь – стоя, хочешь – лёжа, ни запретов, ни отказов.
Всё, что хочется, возьмёте и вернёте, но не сразу!
Тут и камень, тут и бархат, всё, что хочешь, по заказу!
Разберётся и поймёте, но, поверьте мне, не сразу!
Сразу разом!*

Человечку это действие явно доставляло удовольствие, и, когда мальчик, наконец, отхлебнул глоток уже подостывшего чая, он торжественно произнёс:

– Добро пожаловать в «Камень и бархат», гостиницу для заблудших душ! – причём слово «камень» он произнёс резко и звонко, показывая двумя руками на пол, а «бархат» – мягко и протяжно, медленно обводя руками стены.

Из-за портьеры с музыкантами раздались нестройные аплодисменты. Клос тоже похлопал, больше из вежливости.

– Отлично, отлично, теперь, когда все формальности соблюдены, давайте определимся с комнатой: у нас есть разные варианты размещения – от капитанских люксов до лежачих, сидячих и даже стоячих коек, которые, к слову, и не койки даже по большему счёту. – Он говорил очень быстро, заполняя во время разговора тянущийся из-под стола бумажный рулон, отматывая столько, сколько требуется. А требовалось ему немало. Писал он длинным пером, ловко обмакивая его в чернильницу. – Какой уровень комфорта предпочитаете?

– Мне бы какой-нибудь обычный номер, – пожал плечами мальчик, – желательно всё-таки лежащий, ну или в крайнем случае сидячий. Сколько он стоит?

– Что вы, сами номера совершенно бесплатны, наши гости платят только за обслуживание! В капитанском номере вас обслужат как капитана, в номере для отдыха – как обычного отдыхающего, ну а в рабочем номере вы, хех... займётесь самообслуживанием, – он кашлянул и опять расплылся в улыбке.

– Будьте добры самый обычный номер, только с кроватью, обслуживания никакого не требуется. Я здесь всего лишь на одну ночь.

– Прекрасно, бесплатный номер, без обслуживания, поставьте свою подпись здесь!

Человечек бросил беглый взгляд на шею Клоса и ловким движением оторвал от рулона лист необходимой длины. После чего подвинул листок к мальчику вместе с чернильницей и пером, на котором вместо букв рядами тянулись обычные чернильные кружочки, даже не совсем ровные. Видимо, именно их Человечек так тщательно выводил во время разговора.

– Что здесь написано?

Решив, что над ним подшучивают, Клос принялся внимательно рассматривать закрашенные кружочки, заполняющие добрую половину страницы.

– Поверьте, только то, что мы с вами обсудили! Гостиница «Камень и бархат» заботится о своих постояльцах, поэтому всё записывает на бумаге.

– Но тут вообще ничего не написано, кроме... кроме кружочков.

«*Причём не очень ровных*», – подумал Клос, но вслух не произнёс. Ему не хотелось расстраивать необычного гостеприимного Человечка, который при всех своих странностях был учтив, помог укрыться от шторма и теперь, кажется, обещал обеспечить крепкий сон до самого утра, впервые со дня отплытия юного капитана.

– Молодой человек, в наших краях письмо очень своеобразно и по-своему уникально! Вы же, в свою очередь, имеете право выразить согласие на любом удобном вам языке, давайте – давайте! – он опять вскарабкался на стол и ткнул хромовой тросточкой в самый уголок документа. – Просто подпишите вот тут, что согласны, и покончим с этим!

Клос задумался, как обычно бывает в таких ситуациях, но никаких возражений в голову не приходило. Да и сил спорить уже не оставалось. Он пододвинул чернильницу поближе, обмакнул перо и вывел посередине листа прописью: «Согласен». Писать пером было непривычно: в некоторых местах буквы получались тонкие, где-то, наоборот, толстые, а в конце образовалась небольшая клякса.

– Чудесно! – Человечек выхватил листок бумаги и повертел его в руках, рассматривая надпись со всех сторон, – Какое необычное изящное письмо, петли, линии, изгибы! – повосторговшись, он положил листок мальчика на стол и, сказав: «Позвольте, позвольте», взял перо из рук Клоса и поставил в уголке листа небольшой кружочек. – Мсье Ле-Грант! Я подписал, теперь ваша очередь!

Клос вздохнул и написал в уголке листа, утыканного кружочками: «Капитан Клос». Он уже устал спорить, и рассматривать ничего не значащие кружочки казалось ему совершенно ничемным делом. Тело ломило, одежда была насквозь мокрой, хотелось спать.

– Вот мы и познакомились, Капитан Клос! Видите? Каждому делу – своё время. Как у нас говорят: «Есть время обнимать и говорить “привет!” и время хлопать по плечу и говорить “пока!”».

Человечек, пританцовывая, вскарабкался на своё кресло – оно жалобно скрипнуло – и достал из внутреннего кармана изящной формы трубку, которую ловко набил табаком и тут же раскурил. Не спеша, выпуская изо рта облако за облаком, он принялся складывать подпisanную мальчиком бумагу. Клос тоже умел делать из бумаги самолётики и ещё журавлей, но мсье Ле-Грант явно мастерил нечто другое – и очень умело.

– А вы, оказывается, прекрасно умеете читать и на моём языке! – возмутился Клос, втягивая ноздрями аромат табака. От этого запаха сразу стало очень уютно. Лампочки на стенах мерцали тепло и тускло.

– А я и не говорил, что не умею. Письмо ваше действительно весьма изящно. Молодой человек, подойдите-ка сюда! – Человечек ногами встал на своё кресло, в таком состоянии он был чуть выше Клоса. – Это ваш ключ от номера. – Он показал Клосу искусно сложенную бумажную полоску. – Третий этаж, по лестнице и налево, не заблудитесь. Запомнили? Повернитесь, пожалуйста, – мальчик повернулся и почувствовал, как бумажная полоска обвилась вокруг шеи. – Не двигайтесь, молодой человек, не хочу вас обжечь.

– Эй, что вы делаете?! – Клос вяло обернулся к Человечку. Сил спорить уже не оставалось.

– Молодой человек, перестаньте вертеться! Вот, смотрите, – мсье Ле-Грант оттянул воротник и показал свой бумажный ошейник-ключ, – у меня такой же, видите? Так выглядит

справедливость: раздаёшь другим ключи – будь готов носить и сам. Признаюсь, надеть его на самого себя было весьма непросто.

Клос послушно повернулся: помимо запаха трубки, которую курил Человечек, мальчик почувствовал ещё один резкий аромат. Он уже не мог видеть, как мсье Ле-Грант соединил между собой концы полоски сургучом и поднёс трубку. Сургуч, расплавившись, принял форму рисунка прикоснувшейся к нему трубки: две широкие горизонтальные полосы и одна узкая вертикальная. От смеси этих запахов спать захотелось ещё больше, мальчик уже едва стоял на ногах.

– Ах да, есть ещё кое-что, – слегка покашляв, добавил Человечек, – для всех постояльцев есть пять простых правил, которые требуется неукоснительно соблюдать.

- ◆ Свободный Человек – свободен.
- ◆ Один колокол – пора работать.
- ◆ Два колокола – пора отдыхать.
- ◆ За добро нужно платить добром.
- ◆ Запрещается передвигаться по гостинице ночью.

На этом всё, приятных сновидений!

Повернувшись, Клос увидел лишь густые клубы дыма, которые рассеивались в совершенно пустом зале. По залу разносился топот быстро удаляющихся шагов. Человечек исчез.

«Сновидений... Интересно, а сейчас ночь?»

...Больше мальчик ничего не запомнил.

Борясь с огромным желанием спать, Клос побрёл к винтовой лестнице в дальнем конце зала. Проходя мимо одной из дверей, которая оказалась открыта, мальчик не удержался и заглянул внутрь. За ней никого не оказалось; внутри стояло несколько старых велосипедов, было темно, а при мерцающем свете лампочек, которые теперь едва горели, больше ничего было не разглядеть.

Подниматься по лестнице было тяжело, ноги едва удавалось оторвать от пола, но через несколько минут он всё-таки добрался до длинного коридора, над входом в который висела табличка с большой цифрой 3, в римском и арабском написании. Клос повернул налево и побрёл по коридору, вертя головой по сторонам. На дверях отсутствовали номера. Глаза слипались. Когда он проходил мимо одной из дверей, та неожиданно распахнулась, и он зашёл внутрь.

В небольшом номере было темно, окошко заменяла узкая, едва заметная щель в стене, сквозь которую пробивался лунный свет. Сил хватило только на то, чтобы сбросить сапоги и плащ.

Проваливаясь в глубокий сон, последнее, о чём он подумал, что Лаки с Бароном остались в лодке совершенно одни.

Утро свободного человека

Проснулся мальчик от раскатистого удара колокола. Звук доносился откуда-то сверху и разливался по всей гостинице, заставляя вибрировать пол и стены до самых нижних этажей. Не успел колокол затихнуть, как из-за двери послышались нарастающий топот и крики.

Клос подошёл к зеркалу и задрал голову. Шею тесно обвивал бумажный ошейник, концы которого скрепляла печать с непонятным символом. Попробовал надорвать его с краю, потом потянул, но тот не поддался.

«Ну и пусть. Если это ключ, а не ошейник, то не стоит и беспокоиться».

За дверь по-прежнему слышались голоса и ругань, кажется, пару раз кто-то даже врезался в дверь номера с внешней стороны. Не было понятно, сколько он проспал, но ощущение усталости улетучилось. Клос ещё раз оглядел комнату: похоже, она была пыльной и каменной, как и вся гостиница. Стены небрежно оклеены бумагой: как известно, если на камень наклеить бумагу (которую называют обоями), то помещение обретает особый уют. У окна стояла кровать. Мальчик взобрался на неё, встал на цыпочки и выглянул в крохотное окошко: повсюду была вода, Сплошное Море. Волны улеглись, светило солнце, на небе не было ни облачка. Ещё в комнате стояли стол, на нём глиняный кувшин, наполненный водой, один стул и зеркало. Всё, что необходимо усталому путнику, чтобы выспаться, причесаться и продолжить свой путь.

«Ну, разве что неплохо бы перенести сюда Лаки с Бароном. И как я мог о них забыть! Они, наверное, насквозь продрогли, проведя ночь в холодной мокрой лодке. Надо поторопливаться!»

Клос быстро обулся, накинул плащ, влез во всё ещё влажные сапоги и подошёл к двери. Ручки на двери не было.

Дверь с лёгким скрипом сама собой отворилась наружу, но он не смог сделать ни шагу. За дверь было полно людей, не совсем людей и даже совсем не людей – так Клос охарактеризовал себе всех проносащихся мимо обитателей. Было понятно, что все очень куда-то спешили, толкались и покрикивали друг на друга.

Это заставило и самого мальчика поторопиться – он рванулся вперёд и чуть не налетел на полного коренастого мужчину в пиджаке, с трудом сходящемся на его круглом животе. Встреч-

ный проворчал: «Смотри, куда прёшь! Дверью чуть не зашиб, теперь собой чуть не зашиб, сейчас как дам!»

Клос не дослушал, что именно собирался дать ему раздражённый незнакомец, и присоединился к общей толпе, торопящейся по коридору в сторону лестницы. На лестнице толпа разделялась: кто-то бежал наверх, а кто-то мчался вниз. Клос решил присоединиться к тем, кто бежал вниз: их было значительно больше.

Мальчик проталкивался вместе с толпой, держась подальше от краёв, куда неведомый архитектор почему-то решил приделать дверные ручки, о которые можно было очень легко споткнуться и упасть. К каждой ступеньке была прикручена пара дверных ручек по обе стороны, справа и слева, бежать по краям было крайне неудобно, поэтому все грудились у центра. Конечно же, это создавало дополнительное напряжение и толкотню. Причем ручки были самых разных размеров и форм, только вот разглядеть их получше совсем не было времени.

«Понятно теперь, почему на дверях ручки отсутствуют! С такими ключами, – тут Клос потеревил свой бумажный ошейник, – ручки совсем не требуются, вот их и прилепили сюда. Видимо, для красоты.»

Дорога вниз заняла не очень много времени, гораздо меньше, чем его вчерашний путь наверх. Так это обычно и бывает.

Узнать помещение, в котором Клос вчера пил чай со странным Человечком, было довольно сложно. Стоял сильный гул, вокруг стола собралась довольно плотная толпа постояльцев, всё пребывающих из длинных нестройных очередей. В эти очереди и стремились попасть бегущие по лестнице. Заняв своё место, они переводили дыхание,тирали пот со лба и застывали в ожидании. Зал был хорошо освещён: помимо электрических ламп и факелов, прямо под потолком располагались узенькие окошки, через которые пробивался свет. Солнечные лучи отражались от зеркал, расположенных под самыми разными углами, распространяя свет по всему залу. Если бы не эти окошки, то понять, утро сейчас или день, было бы невозможно.

Рассмотреть, сидел ли на своём месте хозяин заведения или нет, мальчик не мог. Дверцы вокруг, тут и там, открывались и закрывались сами по себе, когда кто-то приближался или выходил. Иногда же, наоборот, были напроочь закрыты несмотря на то, что постояльцы стучали в них кулаками и подносили свои бумажные ключи-ошейники вплотную. Тогда бедолаги, бормоча себе что-то под нос, плелись наверх или становились частью одной из очередей.

«Хорошо, что мне не с ними, – с облегчением ухмыльнулся мальчик, – двигаться вперёд, когда впереди такая толпа народу, весьма непросто!»

Уворачиваясь от бегунов, он добрался до двери, через которую, как ему показалось, он вчера зашёл, но та не отворилась. Тогда он перевернул свой шейный ключ печатью вперёд и наклонился поближе. Тот же результат. Он попытался толкнуть дверь, потому что потянуть её на себя без ручки не было никакой возможности, – безрезультатно.

– Новенький? – донеслось откуда-то сбоку, и из-за шторы появилась необычная пара стражников высокого роста. С ног до головы они были облачены в чёрные накидки, даже перчатки на руках были чёрными. Маски же, скрывающие их лица, напротив, были белыми.

То, что это именно стражники, он понял по трём признакам: одинаковой форме, грубому неприветливому голосу и уверенной походке, которой они прошествовали, встав между мальчиком и выходом. Никакого оружия у них видно не было.

– Да, только вчера приехал, – вежливо пробормотал мальчик, и голос его сорвался. Он откашлялся.

– Что ты там говоришь? Ничего не слышно. Повтори-ка ещё раз! – одна из масок сделала шаг вперёд и склонилась к лицу мальчика. Маска была очень грубой работы, округлой формы, с трещинками, видимо, от частой носки. На маске были две горизонтальные полосы, голубая

и синяя, и одна вертикальная чёрная. А ещё на ней была нацарапана широкая улыбка, что, впрочем, вовсе не делало её приветливой.

– Я только вчера приехал! – прокричал Клос, приподняв голову вверх, на этот раз слишком громко. – Мне нужно захватить кое-что важное в моей лодке!

– Дверь закрыта, ты видишь? Если дверь закрыта, то пройти нельзя.

– Так откройте её! Именно через эту дверь я вчера ночью вошёл сюда!

– Не все двери созданы для того, чтобы их открывать! – Маска расхохоталась. – Если бы все открывали и закрывали любые двери, когда им вздумается, как считаешь, был бы здесь порядок?

– Или ты думаешь, что выход всегда там же, где вход? Ну и глупец!

Обе маски приглушённо захихикали.

Мальчик обернулся и ещё раз поглядел на происходящее в зале. Обитатели гостиницы толкали друг друга, ругались; кто-то брёл, понурив голову, и молчал. Удивительно разнообразные существа оказались в одном месте, посреди бесконечного водяного пространства. Никому не было дела до Клоса. Большая часть обитателей гостиницы стремилась занять место поближе к началу очереди, которая, казалось, была единственным упорядоченным местом среди бесконечного моря чужих дел и эмоций.

– Ну так что же мне сделать, чтобы выйти назад к своей лодке? – растерянно пробормотал он, уже не рассчитывая на успех, но стараясь разузнать побольше.

– Вставай в очередь, работай, как все, и однажды она откроется. Слышал колокол? Правила одни для всех. Ишь, чего удумал! Ступай отсюда, не мешай работать!

Мальчик хотел задать вопрос, в чём же заключается их работа в то время, когда они не отгоняют жителей от двери, но благоразумно промолчал. Делать ничего не оставалось, и он покорно пристроился в самый конец очереди за худощавым мужчиной без обуви, похожим на скелет, наряженным в старый выцветший костюм непонятного цвета. Вслед за Клосом сразу выстроилось ещё несколько человек.

«И где все они были вчера ночью?» – размышлял мальчик, глаза по сторонам. Неожиданно для него пустая ночная гостиница утром стала весьма популярным местом. Хотя посреди Сплошного Моря каждое место, вмещающее более одного человека, может показаться странным. – *Интересно, куда я попал?»*

– Еда, свежая еда! Кто ещё не позавтракал? Съестное для пустого желудка, но не для пустого кошелька! – мимо проехала многоэтажная тележка с продуктами, которую катила впереди себя внушительных размеров женщина. Мальчик слотнул, но не посмел её остановить, ведь его кошелёк как раз был пустым. Если точнее, то у него даже самого кошелька не было.

– Простите, пожалуйста, – Клос подёргал незнакомца, стоящего впереди, за край пиджака. Тот вздрогнул и резко обернулся. Глаза его были большими, круглыми и беспокойными, а кофта под костюмом спереди застёгивалась на серебристую молнию. Ошейник с печатью на его тощей шее смотрелся очень комично – видимо, шея незнакомца знавала лучшие времена.

– Подскажите, пожалуйста: куда ведёт эта очередь?

– Как, вы не знаете, друг мой? Никогда вас здесь не видел, – он внимательно оглядел Клоса. – Мсье Ле-Грант распределяет работу. Мы все хотим как можно быстрее получить работу получше, поэтому я всегда стараюсь встать пораньше, – он понизил голос до шёпота, – но сегодня проспал, поэтому не уверен, что останется что-то стоящее, и придётся опять крутить педали. Вообще, у меня есть хорошее дело и даже собственная лаборатория наверху, но на днях я слегка провинился и теперь неделю должен работать, как и все. Ах, эти велосипеды... когда-то я просто обожал велосипеды, а теперь видеть их не могу! – он задрал ногу и показал голую пятку мальчику. – А ведь у меня даже башмаков нет. Горе мне, горе, проклятые велосипеды!

– А, так вы здесь ради работы? А я совсем не для этого. Вчера вечером мой корабль, – почему-то мальчик решил слегка преувеличить, назвав свою маленькую лодку кораблём, – попал в бурю, и я вынужден был остановиться здесь, но всего на одну ночь. Теперь мне пора отплывать, и побыстрее.

– Ах, корабль... – мечтательно произнёс тощий незнакомец, – когда-то у меня тоже был корабль. А сейчас одни велосипеды.

Его лицо стало очень грустным, видимо, из-за нахлынувших воспоминаний.

– Понимаете, – продолжил мальчик, – вон там, прямо за той дверью, стоит мой корабль, но она почему-то не открывается, и меня по ошибке отправили сюда. Простите, я не представился, меня зовут Капитан Клос, – он протянул руку, и тощий незнакомец слабо пожал её.

– Гетти, просто Гетти, друг мой.

Незнакомец понизил голос до шёпота и прошептал в самое ухо мальчику:

– А ведь знаешь, за этой дверью, возможно, до сих пор стоит и мой корабль. Когда-нибудь я отдам мсье Ле-Гранту все долги и уплыву на нём прочь из этого места. Если бы не этот мерзкий пират Барт, ноги моей босой здесь не было и ему самому пришлось крутить треклятые педали.

– Я уверен, что у вас всё получится, – Клос ободряюще похлопал Гетти по спине.

– Конечно, получится, ха-ха-ха, у этого-то доходяги! – раздался позади громкий бас, и кто-то толкнул мальчика в спину своим толстым животом. – Не слушай его, парень, Гетти всегда был мямлей. Уже добрую сотню лет крутит педали и по-прежнему остаётся на месте! Гетти, дружище, куда направишься сегодня? Быть может, ловить попутный ветер? Или сразу наймёшься юнгой к Барту, уж он выдаст тебе вместо велосипеда швабру, тряпку и палубу в шестьдесят футов длиной!

Громкий хохот зазвучал снова, он был раскатистым и жизнерадостным. Его владелец представлял из себя огромного толстого человека в поварском колпаке и полосатой тельняшке, с похожим на пяточок носом и маленькими чёрными усиками. Он стиснул ладонь Клоса своими ручищами и с силой потряс её. Мальчик разглядел на его руках множество рисунков с черепахами, кораблями и другими морскими изображениями.

– Пигль! – представился гигант, – повар, боцман, грузчик! Предпочитаю «повар», ведь, как говорил мой дедуля: поближе к еде, подальше к беде!

Он хохотал и добродушно подшучивал над окружающими, некоторые отвечали ему и улыбались, многие вежливо отстранялись, стараясь держаться подальше. Было видно, что посетители гостиницы, казавшейся прошлым вечером такой пустынной, хорошо знали друг друга.

– А ты с чем пожаловал, парень? Как чёртов Ле-Грант добрался до тебя? Небось проиграл в карты, как я? Шельмец знает толк в азартных играх! Тут уж ни дать ни взять!

– Меня зовут Клос, вчера ночью мой корабль угодил в шторм и едва не пошёл ко дну, но мне удалось укрыться здесь. А сегодня днём я планирую отчалить. И как можно скорее!

– Так ты здесь не ради работы? Ха! Тогда чего же торчишь в этой чёртовой очереди и занимаешь место? Свободные Люди не нуждаются в очередях! Свободный Человек – свободен! Идём напрямик к Ле-Гранту, скажем ему, чтобы открыл дверь и немедленно выпустил тебя! – он с лёгкостью поднял мальчика над толпой и, отпуская шуточки и распахивая ворчащих окружающих своим животом, понёс мальчика вперёд на вытянутых руках.

О том, чтобы вырваться, не могло быть и речи: очередь грозно поглядывала на мальчика, но, побаиваясь Пигля, молчала.

Вокруг всеми красками пестрела толпа, все что-то просили, угрожали, требовали, а грузный Пигль протискивался через гущу тел к столу, ни на кого не обращая внимания. Теперь уже можно было слышать знакомый голос Человечка, который объявлял «велосипед», «кухня»,

«уборка» и другие подобные словечки. «Велосипед» звучало чаще других: видимо, в гостинице это было самой востребованной профессией.

«Любопытно, – подумал Клос, – что это за работа такая популярная – крутить педали? Да и куда здесь можно уехать – кругом одни лестницы, коридоры и вода?»

Наконец Пиглю удалось протиснуться в самое начало очереди, и Клос увидел восседающего в том самом скрипучем бордовом кресле Человечка с той самой бородкой и в тех же самых маленьких изящных очках – хозяина гостиницы мсье Ле-Гранта. Макушку его круглой головки украшала неизменная красная шапочка. С высоты роста боцмана-повара её было очень хорошо заметно. Из всей толпы выделялись и маски – они были точно в таком же наряде, как и те двое у выхода. Маски окружали стол и следили, чтобы никто не лез без очереди, хотя и сами обитатели не осмеливались это делать – видимо, привыкли к порядку.

Рядом с Человечком, на столе, ровными рядами лежали аккуратно разложенные карточки, видимо, с именами всех посетителей гостиницы. Когда к нему протискивался очередной гость, Человечек находил его карточку, утыканную однообразными закрашенными кружочками, внимательно осматривал, а потом клал перед собой и слушал.

– Послушайте, мсье Ле-Грант, – жалобно обращалась к нему довольно молодая женщина в аккуратном платье с короткими рукавами и белыми подвязками. – Вы же давно меня знаете, я уже почти всё отработала, посмотрите свои записи, там же всё должно быть. Не отправляйте меня на велосипед, сил никаких уже нет крутить эти педали. Вы же добрый человек!

– Кухня! – закричал Человечек, и женщина с благодарностями, пятясь, пошла прочь – видимо, на кухню. А толпа опять навалилась вперёд, накрывая Человечка новым шквалом просьб и жалоб.

– Пропустите Свободного Человека! – громогласно проревел Пигль и поставил мальчика прямо на стол, на гору карточек, перед носом мсье Ле-Гранта.

Толпа вдруг резко затихла и отпрянула от него. Даже маски расступились.

Человечек оторвал глаза от карточек и медленно поднял голову, осматривая мальчика с ног до головы, пока их взгляды не встретились.

– Доброе утро, Капитан Клос! Как вам спалось? – вежливо спросил он, потом резко повернулся в сторону и выкрикнул:

– Подайте ему стул! Стул Свободному Человеку! Немедленно!

В абсолютной тишине, нарушаемой только кашлем и сопением со стороны толпы, послышался скрип, и через мгновение чьи-то руки сдёрнули Клоса со стола, усадив его на одном уровне с мсье Ле-Грантом.

– Спасибо, хорошо спалось, – твёрдо ответил мальчик, – у вас очень гостеприимная гостиница, но мне пора продолжать путь. Откройте, пожалуйста, дверь.

– Дверь, дверь, дверь, – не сводя улыбающихся глаз с мальчика, начал напевать Человечек, пальцами перебирая карточки посетителей.

– Дверь... открывать дверь Свободному Человеку – наша первейшая и важнейшая задача, не правда ли, distinguished гости «Камня и бархата», что скажете? – он привстал и окинул взглядом толпу вокруг. В толпе закивали, многие попятнулись ещё дальше назад, натываясь на других гостей.

– Ну, тогда музыку, господа музыканты!

Из-за портьеры раздался бодрый стук барабана; к нему присоединились тарелки, бубны и трубы. Человечек, опираясь на тросточку, вскарабкался на стол. Гремя деревянными счётами в такт музыке, пританцовывая и расхаживая взад и вперёд по деревянному столу, запел:

*Как-то раз сюда забрёл простак,
Кришлёк на входе обронив,
Плотно ел и пил за просто так,*

Нам за доброту не оплатив.

Так или не так, так или не так?

Так или не так, так или не так?

На фразе «так или не так?» толпа радостно подпевала «так!»#некоторые даже начали пританцовывать вместе с Человечком. Похоже, многим действительно нравилась эта песня. А мсье Ле-Грант в ритм мотиву ловко отстукивал высокими каблуками своих лакированных ботинок прямо по столу.

Но ведь должен каждый заплатить

За уют и тёплую постель,

И педали он пошёл крутить,

Чтобы распахнулась дверь.

Так или не так, так или не так?

Так или не так, так или не так?

Было трудно первых десять лет,

Но протак упрямый парень был,

Отработал сон и свой обед,

Став свободным, дверь свою открыл... и уплыл!

На фразе «и уплыл» Человечек ударил тростью по столу, а второй рукой указал куда-то в сторону: видимо, именно туда уплыл тот самый протак – герой песни. Все вокруг зааплодировали.

– Так или не так?! – он с улыбкой обращался к толпе, заводя её. Белоснежные зубы мсье сверкали.

– Так! Да, так! Так! – кричали все вокруг и аплодировали. С радостным лицом Человечек смотрел поверх толпы и хлопал вместе со всеми, затем сделал несколько шагов по столу к мальчику, наклонился и провёл пальцем от макушки Клоса до печати на его ошейнике. Улыбка с его лица резко пропала, и толпа так же резко затихла.

– А так ли ты, Свободный Человек, на самом деле свободен?

– Конечно, свободен. И прямо сейчас хочу уйти.

На самом деле после песенки Человечка мальчик уже совсем не был уверен в том, что свободен и сможет уйти, и его ответ прозвучал как-то тихо и неубедительно.

Мсье Ле-Грант неуклюже опустился в своё бордовое кресло и продолжил:

– Прекрасно! Наша уютная гостиница уже многие тысячи лет оказывает гостям со всех концов Сплошного Моря самый высокий сервис и безупречный радушный приём. Мы следим за тем, чтобы гости покидали нас и возвращались вновь, когда захотят. Делай что хочешь, разве не в этом суть свободы?

Во время этой хорошо отрепетированной речи его маленькие пальчики ловко перебирали карточки:

– Клавдий... Клития... Клабаутерман... Клос... Ага! – он выхватил карточку с ровными рядами кружочков, пробежался по ней глазами и передал мальчику. – Осталась лишь пара маленьких формальностей: подписать здесь, сдать ключ и... заплатить за проживание. Предлагаю начать с конца.

Он ещё раз взглянул на карточку и защёлкал своими счётами. Клос смотрел на это, словно заворожённый, с досадой припоминая монетку Старика, которую он так необдуманно совсем недавно выкинул в море.

– Итак! С вас, пока ещё молодой и свободный человек, одна эвердьюпойсная унция золота в любой валюте, находящейся в обороте с 1753 года до... – он почему-то посмотрел на часы —...до настоящего момента!

Человечек извлёк из-под стола весы с двумя чашечками, поставил на одну из них гирьку, вторая при этом оказалась прямо у его носа. Раскрыв ноздри, он глубоко вдохнул, понюхал чашечку и, с улыбкой протянув «таба-а-а-к», выдул из чашечки остатки табака и пальцем указал мальчику, куда положить оплату. По-видимому, ту самую эвердьюпойсную унцию золота. Он весь просто сочился благожелательностью. Было видно, что он проделывал всё это с превеликим удовольствием.

Мальчик оторвал взгляд от весов, обернулся и оглядел толпу. Все присутствующие отводили глаза или просто молчаливо смотрели в пол. Некоторые прятались за впереди стоящих так активно, что из нестройной толпы образовались ровные длинные очереди. Помощи ждать было неоткуда. Мальчик пытался придумать хоть какое-то решение, но в голову ничего не приходило. Попытайся он сейчас сбежать, его бы тотчас схватили маски. Денег, да и вообще ничего ценного, у него ни при себе, ни в лодке не было. Он злился на себя за то, что так глупо попался в ловушку, хотя хорошо знал, что брать что бы то ни было у незнакомцев не следует: это очень часто приводит к неприятностям. В одну из таких неприятностей он прямо сейчас и угодил.

Собравшись с духом, он снова вскарабкался на стол. Стоять ногами на столе было невежливо, но, вспоминая, как на нём только что отплясывал мсье Ле-Грант, мальчик поборол застенчивость и уверенно произнёс:

– У меня нет золота, – Толпа ахнула. – Ни этих ваших этъвертьюпоясных унций, ни какой-то иной монетки. У меня есть корабль, запасы провизии, и я, как Свободный Человек, требую выпустить меня отсюда! Этот ваш договор, – он оттянул бумажный браслет на своей шее и попытался сорвать его, но тот не поддался, – просто бессмыслица какая-то, набор одинаковых кружочков в ряд. Да здесь можно, при желании, прочитать всё что угодно!

– Э-э-э, молодой человек, – погрозил пальцем мсье Ле-Грант, – не следует недооценивать всю сложность древнего морского языка. Именно на нём разговаривают рыбы – древнейшие существа этого мира. Это самый универсальный язык!

– Да какие рыбы?! Рыбы вообще не разговаривают! – перебил его Клос.

Он хотел продолжить, но осёкся, вспомнив, как недавно сам разговаривал с Лаки и Бароном.

– Сразу видно, что вы очень молоды, неопытны и, по-видимому, не слишком наблюдательны. Ну неужели вы ни разу не видели, как рыбы пускают колечки воздуха из своих ртов?

Клос молчал. Он и вправду неоднократно видел, как рыбы пускают колечки.

– Во-о-от, молчите, значит, поняли меня! Эти колечки, если их правильно записать, можно сложить в слова и понять, что хотят сказать рыбы. Правда, выучить рыбий язык не слишком просто, нужно потратить уйму времени и обладать исключительной памятью. В общем, сделать это настолько сложно, что пока только один человек в мире может это сделать, и этот человек – я.

Он скромно развёл свои маленькие ручки в стороны.

– Ну, ещё их немного понимает Бастьен. Бастьен! – неожиданно позвал Человечек.

Очередь зашевелилась, и через несколько секунд перед столом возник запыхавшийся Бастьен – тучный, совершенно лысый и с огромным бантом салатового цвета на шее.

«Вылитый дворецкий, – подумал мальчик. – Только белых перчаток не хватает и тележки с колёсиками».

– Звали, мсье Ле-Грант? – за время своей короткой пробежки до места назначения он успел вспотеть и вытирал свою лысину длинными рукавами, свисающими почти до пола.

– Скажи мне, любезный Бастьен, что здесь написано? – мсье Ле-Грант взял карточку мальчика и сунул её под нос Дворецкому.

– Ма... – неуверенно замычал тот и замолчал, покосившись на Человечка. – Ма... – начал он опять, снова прервался, выдохнул и перевёл взгляд на Клоса. На его носу красовались огромные очки с очень толстыми линзами, отчего глазки его выглядели выпученными.

– Ма... – в третий раз бросил вызов Бастьен невероятно сложному рыбьему языку и в третий раз затих.

– Ну вот, правильно, мальчик! – приободрил его Человечек, – только не мальчик, а молодой человек! Где твои манеры, Бастьен? – незадачливый переводчик потупился и в очередной раз обтёр рукавом свою блестящую лысину. Мальчику показалось, что он увидел в ней своё отражение, настолько она была блестящая, наверняка от постоянного протирания.

– Видишь, молодой человек, Бастьен тоже прочитал, правда, ещё подучиться надо. Да и какой нам резон тебя дурачить? Мы хотим, чтобы гости возвращались к нам снова и снова, в нашей гостинице всё так устроено.

Клос совсем запутался; всё происходящее казалось ему совершенно нелепым, но очень логичным.

– Нету у меня денег, ничего я не дам!

– Тогда вам придётся остаться и возместить все убытки. Работы у нас хватает. И самой разной!

Он вдруг поднялся со стула и обратился ко всем вокруг:

– Или, возможно, кто-то хочет помочь Клосу? Кто хочет поделиться с мальчиком заработанным?!

Толпа безмолвствовала. Присутствующие отводили глаза и переминались с ноги на ногу. Клос стоял в растерянности, не зная, как быть.

– Что же, никто не хочет?! – Мсье торжествующе улыбнулся. – Стало быть...

– Чёртов Ле-Грант, я помогу мальчонке!

Громадный Пигль оттолкнул стоящих у стола постояльцев, порылся в карманах и швырнул на чашу весов несколько монет. Весы качнулись, но этого было недостаточно.

– Ну, давайте все вместе поддержим паренька!

Толпа безмолвствовала.

– Будь проклят этот шум! Надоел весь этот балаган, на, держи!

Низенький человек в смешном полосатом костюме выкатился из толпы. У него были чёрные кудрявые волосы, а когда он поднял голову вверх, Клос заметил короткую клочковатую бороду.

– Впервые не взял с собой табуретку – и на тебе, она мне как раз нужна! Эй, верзила, а ну передай!

Он протянул добродушному Пиглю несколько монет:

– Клос, тебя ведь так зовут? Считай, что вчерашние педали Харх крутил для тебя!

Пигль своей огромной ладонью аккуратно пересыпал монетки в чашу. Весы накренились сильнее, но этого по-прежнему было мало. Больше из толпы не вышел никто.

– Харху жалко на вас смотреть, – маленький кудрявый человек снизу вверх оглядел окружающих. – Терпеть вас не могу!

Он злобно отпихнул ближайшего постояльца, хотя тот совершенно не мешал ему пройти, и, сопя, прошествовал к одной из дверей, хлопнув ей что было мочи. Шум особенно громко раздался среди тишины главного зала.

– Признаюсь, я и не рассчитывал на большее, – с улыбкой разглядывая монетки в чашке и переводя взгляд на постояльцев вокруг, произнёс мсье Ле-Грант. – Стало быть, время придумать, как столь юный и крепкий молодой человек мог бы компенсировать затраты, понесённые нашим заведением.

– Не буду я ничего платить! Я приехал поздней ночью и сразу отправился спать, я даже ничего не ел.

Клос уселся на стол, упрямо уставившись на скатерть из зелёного бархата.

– Справедливое замечание, молодой человек, не ели. Здесь так и написано!

Человечек с готовностью в который раз продемонстрировал Клосу табличку с кружочками:

– Но ведь спали? Эй вы! – обратился он к окружающим, – кто готовил ему постель и убирал номер?!

Из зала поднялась пара дрожащих рук.

– А кто развлекал его прекрасной музыкой?

Откуда-то сбоку послышались пара глухих вздохов трубы и удар барабана.

– Кто гостеприимно распахнул ему дверь прошлой ночью и помог пришвартовать корабль?

Кто-то неуверенно покашлял.

– Неужели вы, Клос, – Человечек подвинулся ближе к мальчику, – хотите оставить всех этих добрых и трудолюбивых людей ни с чем? За добро нужно платить добром, помните наше правило? Думаете, они, так же как и вы, не хотят удобно спать, слушать музыку и развлекаться?

Клос молчал.

– Хотите?! Ну так развлекайтесь! – Ле-Грант схватил из чаши горсть монет, подаренных Пиглем и Хархом, и швырнул их на пол. Из толпы выскочили несколько человек, подобрали их и тут же скрылись.

– А для молодого человека мы подберём подходящую работу! – он придвинул свою тетрадь со списком поближе и стал медленно читать:

– Так... велосипед... слишком неинтересно... ловля ветра... слишком рано...

– Можно мне на ловлю?! – робко попросился из толпы человек с умоляющим взглядом.

Голоса вокруг слились в единый неразборчивый гул. Клос сидел, смотрел на последнюю чёрную монетку, оставшуюся в чашке, настолько маленькую, что она проскочила даже между ловкими маленькими пальчиками Человечка, и думал, как он, такой рассудительный и продуманный, оказался в такой глупой и невероятной ситуации. Злорадное бормотание мсье Ле-Гранта, подбирающего ему работу, отошло куда-то вдаль вместе с просьбами толпы людей, отказавшихся помочь ему в трудную минуту. И даже винить никого, кроме себя, не получалось. От сосредоточенности он засунул руки в карманы своего плаща, и ему в руку ткнулось что-то холодное и твёрдое. В руке лежала монетка Старика, холодная и твёрдая, золотая монетка с глазом.

«Как такое может быть? Я точно помню, что бросил её в воду».

Клос сосредоточенно разглядывал монетку и блики на её глянцевой поверхности от смеси электрических ламп и факелов, горевших повсюду. Смотрел и не мог поверить, что всё это происходит с ним.

Монетка звякнула о чашу весов, толпа в очередной раз смолкла, а мсье Ле-Грант, оторвав глаза от списка, уставился на монетку. Ещё ни разу Клос (да и, возможно, никто из обитателей этого странного места) не видел его таким обескураженным. Человек тарасился на весы, которые покачивались то в одну, то в другую сторону, никак не решаясь, какое положение принять, и молчал. Казалось, весь зал затаил дыхание, даже очереди развалились, вновь превратившись в беспорядочное сборище сотен глаз. Глаз, которые в этот момент глядели, кажется, на самое важное событие в мире.

Если бы не маленькая чёрная монетка, оставшаяся в чашке, весы вполне могли показать поровну, но сейчас показывали явный перевес. Перевес в пользу Клоса. Толпа разразилась аплодисментами, весело заиграла музыка, а мальчика уже подбрасывали на руках.

– Ха-ха, радуйся, парень! Как ты уделал этого негодяя Ле-Гранта! – вопил Пигль, стараясь подбросить Клоса как можно выше. – Вот теперь-то устроим пир так пир! Такое торжество будет, вода вокруг будет кипеть весь день!

– Я не могу остаться. Мне надо ехать! – отрывисто кричал Клос в момент между приземлением и новым подъёмом в воздух.

– В ближайшие три дня ты точно никуда не поедешь, уж поверь мне! Ты теперь главный виновник торжества! А какое торжество без виновника? – Пигль был явно доволен и старался швырнуть мальчика как можно выше, потом поймать пониже и снова швырнуть.

– А чего это вы все так радуетесь? У вас ни разу праздников не было?

– Таких не было, ты – первый, кому за несколько тысяч лет удастся покинуть «Камень и бархат»... живым.

Банные процедуры, ловцы воздуха и тайна Бастьена

Яркий утренний свет врывается через большое панорамное окно, высеченное прямо в стене и убранный в шикарную деревянную раму. Снаружи доносился шёпот моря, больше никаких звуков не было слышно: ни топота, ни криков проносащихся за дверью людей. Тишина и покой. Даже удар колокола показался сегодня каким-то доброжелательным.

Клос лежал на огромной кровати и разглядывал столбики её резных колонн по углам. Узоры изображали диковинные растения, оплетающие опоры от основания почти до самого потолка. Синий полупрозрачный балдахин, отороченный золотой бахромой, создавал ощущение уюта и защищённости. Клос вспоминал вчерашний день.

Вспоминал, с каким усердием Пигль подбрасывал его своими огромными руками, а когда поставил на пол, толпа обступила их, и каждый норовил прикоснуться к нему, похлопать по спине, пожать руку, сказать что-нибудь приятное. А он не испытывал к ним ничего, кроме презрения.

Вспоминал, как мсье Ле-Грант пристально смотрел на монетку, качал на ладони, подбрасывал и даже пробовал на зуб, будто не мог поверить случившемуся. А потом с силой швырнул в свой сундук и с грохотом захлопнул тяжёлую крышку. Большой сундук, но всё же чуточку меньше, чем сундук Старика. И не такой старый.

Вспоминал, как дверь гостиницы, через которую он позавчера попал сюда, отворилась и он смог прижать продрогших Лаки и Барона к себе. А толпа, теснясь, глядела на это из-за двери, не решаясь переступить порог. Теперь коты дремали по обеим сторонам кровати, греясь в солнечных лучах, пробивающихся сквозь плотную ткань.

Вспоминал, как ему выделили лучший номер на самом высоком этаже башни, который назывался «капитанский». Сюда перенесли всё, что мальчик решил забрать из лодки: апельсиновое дерево и другие цветы, которые после пребывания в холодном пустом подвале уже заметно помрачнели; плёночный фотоаппарат со всеми необходимыми для проявки фотографий компонентами (мальчик не умел ими пользоваться, но ужасно хотел разобраться); будиль-

ник, который неправильно показывал время, видимо из-за сырости; немного припасов на всякий случай – вот, пожалуй, и всё, что в лодке находилось ценного.

В дверь постучали. Клос потянулся и спрыгнул с высокой постели. Путь по холодному полу от кровати до двери показался мальчику очень некомфортным, и он подумал, что неплохо бы постелить в номере пару толстых ковров, чтобы приятнее было ступать босиком. За дверью с подобострастной улыбкой на лице стоял Бастьен, и его голова, казалось, блестела ещё сильнее, чем вчера.

– Доброе утро, Клос, мсье Ле-Грант прислал меня, чтобы я провёл для вас маленькую экскурсию, показал, так сказать, окрестности. Он велел передать, что очень сожалеет о вчерашнем недоразумении, и просит принять от нашей гостеприимной гостиницы маленький комплимент, – он протянул мальчику свёрток.

– Господин Клос.

– Что? – Бастьен, казалось, не расслышал, а улыбка всё так же не сходила с его лица.

– Господин Клос, – повторил мальчик, – можешь теперь называть меня так, – он был очень зол на Бастьена и хотел как-нибудь задеть его.

– Да, конечно, господин Клос, как будет угодно, – Бастьен элегантно поклонился, почти касаясь зелёным бантом пола. Его чёрный фрак скрипнул от натуги, и Клос опять разглядел на затылке Бастьена своё отражение. – Прошу вас переодеться, затем я провожу вас в купальни, после чего начнём. Знаете, все тут на ушах стоят после вчерашнего...

– Буду через минуту! – мальчик закрыл дверь прямо перед носом назойливого утреннего гостя. Разговаривать с ним не хотелось.

– Ну, ничего, разведать окрестности не помешает. Узнаю, как тут всё устроено, проведём торжество и продолжим путь. Да, пушаны? – обратился Клос к котам. Те не ответили.

Клос заглянул под балдахин. Лаки, свернувшись в клубок и накрыв лапкой свою белую мордочку, сладко сопел, а Барон лежал, укутавшись в одеяло, и щурился от яркого солнца. Идти вместе с ним коты явно не собирались.

– Ладно, ждите меня здесь, я быстро!

Клос развернул подарок Ле-Гранта: это был праздничный белый камзол, расшитый золотыми нитками. Мальчику ужасно не хотелось его надевать, но перспектива влезать во вчерашнюю грязную одежду радовала ещё меньше.

«Ну, раз у них так принято...»

Камзол сидел идеально, и Клос даже слегка залюбовался своим отражением в зеркале, висевшем прямо напротив постели. – Господин Клос! – он рассмеялся.

«Так, а теперь сделаем несколько кадров для истории», – про себя произнёс мальчик и взвёл затвор фотоаппарата.

Для какой такой истории, он и сам, собственно говоря, не знал. Просто слышал, как эту фразу произносили другие, когда фотографировали, поэтому неосознанно и сам стал говорить так.

– Улыбнись, Бастьен! – Клос распахнул дверь и ослепил Бастьена фотовспышкой. Растерянный вид Дворецкого очень развеселил мальчика.

– Что это вы сейчас сделали? – потирая глаза за очками, спросил тот.

– Это обычный фотоаппарат – отводишь затвор, вот здесь, нажимаешь сюда, раз! И через некоторое время получаешь фотографию. С проявкой фотографий, правда, ещё предстоит разобраться, я захватил с собой всё что нужно, но пока и сам не знаю точно, что следует делать.

– Здорово! – Бастьен с интересом со всех сторон оглядел прибор. – Хотел бы и я себе такой!

Он мало что понял из слов мальчика, но фотоаппарат ему очень понравился.

Дворецкий повёл мальчика по длинному коридору, слегка прихрамывая и активно жестикулируя при разговоре. Его длинные светлые рукава летали вокруг, и Клосу порой приходилось уворачиваться. Дверей на верхнем этаже было значительно меньше, чем внизу, и, пока они шли, им не встретился ни один постоялец.

– Вот если бы у меня была трость, как у мсье Ле-Гранта, я бы тогда у-у-х! – ни с того ни с сего начал Бастьен. Его рукав резко взметнулся. – Признаюсь, у меня самого когда-то была трость, отличная трость, скажу я вам. Не такая, конечно, шикарная, как у мсье Ле-Гранта, но тоже хорошая. Так вот, сидел я как-то на скамейке и оставил её прямо там, – он вдруг резко остановился и прошептал буквально в ухо мальчику: – Ау вас когда-нибудь была трость?

– Мне совершенно ни к чему трость, – ответил мальчик, – я прекрасно хожу и сам, зачем мне постоянно таскать с собой ещё какую-то тяжёлую палку?

– Ах, как жаль, но можно же тогда купить какую-нибудь совсем лёгкую трость, ну или очень маленькую, почти незаметную тросточку. Её можно было бы носить в кармане, тогда руки оставались бы свободны. Вот только никто бы её тогда не видел, а какой толк от вещи, которую никто, кроме тебя, не видит? Да, пожалуй, мне нужна трость побольше.

Клосу разговор о тростях был совсем неинтересен, и он решил сменить тему:

– Скажи, Бастьен, а как здесь было до того, как повсюду поднялась вода?

– Вода? – он задумался. – Сколько себя помню, здесь всегда было так.

– А как давно ты сам попал сюда?

Бастьен остановился и закатил глаза, вспоминая:

– Это было очень давно. Смутно помню большой корабль или лодку... честно говоря, мне кажется, я всегда был здесь. – Он понизил голос до шёпота. – Ходят слухи, что гостиница принадлежит Барту и он использует её для постройки своих кораблей. Что это якобы бывшее убежище пиратов. Хе-хе. Я-то знаю... я знаю, что Капитан Тромблон имеет такое же отношение к гостинице, как шляпа Гетти к моей голове, никакого то бишь отношения. Ты его ещё не встречал, Барта, то есть Тромблона, – это, в общем-то, один и тот же человек. Отвратительный, признаюсь я вам.

Он захихикал, и его глазки за стёклами очков стали совсем маленькими.

– Постройки кораблей? Каких кораблей?

– Разве я сказал «кораблей»? – Бастьен опять картинно закатил глаза. – Ко-ра-бля, – раздельно произнёс он и показал пальцем на стену. – Кстати говоря, господин Клос, мы уже пришли, я буду ждать вас прямо здесь, – он толкнул дверь, которая была прямо перед ними. Она поддавалась только со второго раза. Изнутри повалил густой пар, за клубами которого ничего не было видно.

– Ну, с лёгким паром!

Клос почувствовал толчок в спину, и дверь за ним захлопнулась.

Было трудно дышать – мальчик кинулся к двери, пытаясь её открыть. Она не поддавалась ни в одну, ни в другую сторону.

«Обманищик Бастьен! Как я мог так попасться? С виду простак, а на самом деле...»

– Господин, – донёсся откуда-то снизу глухой баритон, – прошу вас, господин, – несколько сильных рук стали стягивать с Клоса одежду. – Или прямо так извольте-с принимать? Гости у нас, конечно, всяческие бывают, причуды у всех свои, но вы, видно сразу, человек порядочный, снимайте давайте-с.

Клос поддался – и цепкие руки мигом стащили с него всю одежду.

– Держите крепко, не отпускайте-с, – ему в ладонь сунули верёвку с узлом на конце, которая тут же рванулась, увлекая мальчика за собой. Колючий, грубый канат был единственным ориентиром в непроглядных облаках пара. Потеряй он его теперь, даже дверь найти, скорее всего, не удалось бы, поэтому Клос вцепился в верёвку обеими руками и шёл за невидимым проводником, слегка пригнувшись и шаркая ногами, чтобы не споткнуться. Пахло вокруг чрезвычайно приятно.

Пол был тёплым, шершавым и, по-видимому, деревянным. Глаза постепенно привыкали, а может быть, просто пар здесь уже был не таким густым.

Его провожатый оказался низеньким, очень лохматым рыжим существом, чью голову венчала банная шапочка, а на ногах было надето нечто похожее на русские валенки. Вокруг, тут и там, стояли круглые чаны с водой, большие и маленькие: некоторые из них были пусты, а в некоторых возлживали гости самых разных размеров.

Между чанами сновали точно такие же рыжие существа: некоторые тащили ведёрки с водой, некоторые были заняты гостями. Три лохматых банщика огромными щётками с длинными рукоятками – швабрами тёрли какого-то огромного толстого раскрасневшегося человека со множеством подбородков, похожего на моржа. Морж, запрокинув голову, кряхтел и похрюкивал от удовольствия.

– Такого, наверное, целый день тереть? И воды нужна целая бочка, а то и не одна? – съехидничал Клос и слегка дёрнул за верёвку, показывая, к кому обращается.

– Не знаю, – совершенно серьёзно отозвался банщик, – я вожатый, а не тёрщик.

Он резко остановился, выдернул верёвку из рук мальчика, ловко свернул и спрятал её прямо под свою банную шапочку:

– Извольте-с залезать.

Клос взобрался на короткое деревянное полено, которое было ему по колено, а потом ещё на одно, до пояса. Чтобы вскарабкаться на второе полено, он схватился руками за край чана, выпрямился и заглянул внутрь. Чан был чёрный, чугунный, вода была горячей, но терпимой. Клос осторожно засунул в воду сначала одну ногу, поморщился и поболтал ею. Тотчас из-под свободной ноги кто-то выдернул полено, и Клос со всего размаха рухнул прямо в чан. Не успел он вынырнуть, как лохматый рыжий банщик стал деловито сыпать в воду что-то из маленькой ступки и помешивать. Вокруг сразу распространился приятный, похожий на еловый запах.

– Что это за аромат? – спросил Клос. – Вкусный, напоминает о лесе. – Ему вспомнились зелёные горы с пасущимися стадами и почему-то реки.

– Не знаю-с, – даже не взглянув на мальчика, ответил банщик, – я сыпщик, а не готовщик, – и тут же исчез, стремглав умчавшись куда-то дальше.

«Ну и дела, – подумал мальчик, – интересно, почему сыпщик не может быть еще и готовщиком или тёрщиком? Работа вроде не слишком сложная».

Внутри чана плавали деревянные поленья, и, несмотря на глубину, можно было удобно расположиться, облокотившись на них. Он снова нырнул, по телу разливалось наслаждение: горячая ванна после долгой изнурительной дороги – самое желанное удовольствие для усталого путника. Он перевернулся на живот и огляделся. Домовята (так он про себя назвал рыжих лохмачей) слаженно работали, но каждый занимался только одним делом. Например, один из них сначала бежал к большому резервуару с водой посередине всей бани, набирал воду в два маленьких ведёрка; потом бежал к печи, на которой были навалены камни, выплёскивал на камни воду и тут же устремлялся обратно. В это же время другой домовёнок начинал размахивать полотенцем, разгоняя жар по всей парной.

«Наверняка это махальщик», – подумал Клос и рассмеялся от своей шутки.

– Смотрите, кто это у нас тут варится?! – от резкого возгласа Клос вздрогнул. – Запах такой, аж аппетит разыгрался. Будь у меня сейчас ложка побольше, добавил бы картошки, грибов и сварил бы отличный суп! – Около чана, в котором купался Клос, стоял Пигль с крошечным полотенцем на плече. Он был таким высоким и внушительным, что мог смотреть на Клоса без всяких подставок из поленьев.

– Доброе утро, Пигль, – смущённо пробормотал мальчик, – да вот, Бастьен сказал, что перед прогулкой необходимо посетить купальни.

– Конечно! И перед прогулкой, и после прогулки, и иногда даже между прогулками. Ты разве не слышал, что чем больше и толще человек, тем сильнее он любит баню? Это дело, парень, очень полезное: прочищаешь каждую ворсиночку. А знаешь, сколько их у меня? Раз в пять больше, чем у тебя.

Пигль оценивающе посмотрел на тщедушные плечи мальчика.

– Нет, пожалуй, не меньше чем в десять! – он вновь расхохотался. Казалось, что, чем бы Пигль ни занимался, всё доставляет ему удовольствие. – На прогулке смотри в оба, этот прохвост Бастьен – тот ещё «супчик», ну или, скорее, «кисельчик»! Столкнёт тебя прямо в море – и поминай как звали, а сам потом скажет, что поскользнулся!

Клосу стало не по себе от таких шуток:

– Может, лучше тогда начать осмотр с нижних этажей? Когда ты в самом низу, падать, кажется, не так опасно?

– Когда ты в самом низу, то либо бояться совсем уже нечего, либо ты сам представляешь опасность! Ха-ха! Да и потом тебе сейчас вниз нельзя, там сейчас всё варится и скворчит: готовятся к завтрашнему торжеству. В твою честь, между прочим! Хотя это и для каждого из нас событие: даёт, так сказать, надежду на разноцветное будущее. Я вот на часок сюда заскочил. Сейчас попарюсь хорошенько и тоже туда. Как же такое торжество и без главного повара? Ладно, пойду набираться вдохновения!

Напоследок он зачерпнул воду своей могучей ладонью, облил мальчика и пошёл прочь, хохоча и отпуская шуточки в сторону окружающих. На спине у Пигля красовался череп, лежащий на груди золота.

Клос набрал в лёгкие воздуха и погрузился в воду: *«Странный какой. И чего ему всё время весело? Торчит в этом странном месте, то жарится сам, то жарит еду для других»*. Но настроение от вида знакомого у Клоса всё равно улучшилось.

Вдруг в спину мальчика ткнулась щётка, а потом ещё одна – от неожиданности он перевернулся и увидел, как два человека болтаются на верёвках, которые уходят куда-то вверх, в пар, и держат в руках палки с продолговатыми мочалками на концах.

– Не крутитесь-с, – велел один из них, с мочалкой поменьше, и начал натирать мальчику уши, в то время как второй принялся за плечи и живот.

Они работали очень слаженно, но Клос не мог получать удовольствия от процедуры: к нему опять вернулись мысли о неправильном разделении обязанностей. И когда помимо двух тёрщиков к делу снова подключился сыпщик (чан теперь наполнился новым апельсиновым ароматом), а потом ещё и стучальщик с веником, он не выдержал и спросил:

– Уважаемый, – он не смог подобрать подходящего для домовят слова, поэтому сказал просто «уважаемый», – скажите, пожалуйста, вы давно здесь работаете?

Домовёнок, не прерывая работы, ответил:

– Да-с, господин, очень давно, сколько себя помню-с, всегда здесь работал.

– Тогда ответьте, пожалуйста, вот вы сыпете в воду этот вкусный порошок, почему бы вам сразу не принести с собой веник, как у вашего соседа, и не постучать им меня? Ведь так было бы проще, и вашему соседу можно было бы заняться чем-нибудь ещё.

– Я сыпщик, а не стучальщик, откуда мне знать, как стучать-с?

– Да, стучальщик – я, – подтвердил другой. И демонстративно постучал по руке веничком.

– Хорошо, тогда почему бы вам, уважаемый стучальщик, не взять у уважаемого сыпщика его каменную ступку и не высыпать содержимое в воду вместо него? Ведь это совсем нетрудно.

Клос старался быть очень вежливым, чтобы никого не обидеть. И всё же сыпщик сразу нахмурился, стучальщик перестал стучать, и даже тёрщики остановились.

Брови сыпщика продолжали оставаться сведёнными, он протянул каменную ступку Клосу:

– Вы, господин, сначала попробуйте-с, Говорить, стало быть, любой мастак!

Клос взял в руки ступку и медленно высыпал в воду немного её содержимого. После чего кивнул, мол «всё готово», и вернул ступку домовёнку. Через секунду поднялся неприятный запах, вода почернела, и все четверо громко расхохотались.

– Никакой вы не сыпщик, – махнул рукой один.

– И скорее всего, даже не тёрщик, – согласился другой.

Ощущения после бани и вправду были отличные. Жар и пар сменились на прохладу коридора. Мальчик в новом наряде, с сияющими красными щеками предстал перед Бастьеном и был готов к дальнейшему осмотру окрестностей.

– С лёгким паром, господин! – Дворецкий сделал глубокий реверанс, – как вам наше гостеприимство?

– Спасибо! А что, в целом мне даже понравилось! Пигля встретил, говорит, приготовления внизу идут вовсю. Скоро и сам присоединится.

– А, Пигль, беспечный дурак! Только и знает, что набить живот и выпить побольше. Живёт – горя не знает! Хотел бы я так. И на кухне всё время, работёнка непыльная, Ле-Грант обожает его стряпню, а он этим пользуется. Особенно рыбный суп. – Бастьен сглотнул. – Педали этот Пигль в жизни не крутил, устроился замечательно и баню может принимать несколько раз на дню. Терпеть не могу баню, – Он повернулся и зашагал по направлению к концу коридора, заканчивающегося большой круглой площадкой.

Мальчику нравился Пигль, поэтому он решил сменить тему:

– А что это за странные лохматые человечки там всем заправляют? Неприветливые, на вопросы не отвечают, всё время молчат и дело делают.

Эти слова, после того как он их произнес, самому мальчику показались странными, гораздо страннее, чем лохматые человечки: ведь он с самого детства знал, что дела гораздо важнее слов.

Бастьен же в отличие от человечков был очень словоохотлив:

– Не люблю я их, у них там свой порядок. Они даже на утреннее распределение не ходят. И работают на самом верхнем этаже. Отличная жизнь, скажу я вам. Кто бы не хотел быть на их месте?

– Ну, я бы, например, не хотел: там жарко, сыро и постоянная суета.

– Это потому, что вы педали не крутили по двенадцать часов в сутки. И мох в подвалах не собирали. Вот уж где весёленькие местечки! – Дворецкий захихикал. – Кстати, господин, не желаете ли откусать?

Навстречу им двигалась многоярусная тележка с едой. Клос сглотнул и сразу почувствовал аппетит.

Выбор еды был действительно большой. На уровне глаз лежали самые красивые лакомства, сверху – что-то непонятное, а ближе к низу – неприглядные серые лепёшки.

– Вы туда не смотрите, господин Клос, вам это не пристало. Вот если у постояльца монет совсем нет, он тогда и наклоняется пониже. Иногда так извернуться приходится, чтобы достать, что посытнее да попроще, диву даёшься! А вы человек свободный, берите что хотите, и пойдёте дальше. Ну, поезжай! – приказал Дворецкий прислужнику, когда Клос выбрал аппетитную румяную булку, и тележка двинулась дальше.

В скором времени они дошли до широкой круглой площадки, соединяющей два коридора вместе. Судя по всему, они находились в самом центре башни, на самом верхнем этаже. Бастьен поднял руку и несколько раз сильно дёрнул за тонкую цепочку, уходящую вверх. Мальчик сам ни за что бы не догадался о её существовании: в полутёмном зале золотистую ниточку, свисающую с потолка, было почти не видно.

Не прошло и минуты, как Дворецкий задрал голову вверх и прокричал в темноту:

– Эй, там, открывай уже! Сколько можно ждать? И за что только тебе, бездельнику, платят?!

И вновь задёрнул тонюсенькую цепочку, которая каким-то чудом не рвалась. Через несколько секунд прямо в потолке открылся квадратный люк, и мальчик разглядел в нём кусочек безоблачного голубого неба. Сверху закричали «поберегись!», и через секунду к их ногам упала верёвочная лестница, едва не стукнув мальчика по макушке.

Первым, кряхтя, принялся карабкаться Бастьен, Клос полез следом.

– Бастьен, вот ты всех вокруг ругаешь, все у тебя плохие. Скажи, тут вообще хорошие люди есть?

– Хорошие... кх... – Дворецкий остановился отдышаться не несколько секунд, после чего продолжил восхождение, – ...хорошие сюда не попадают. А если кому-то и посчастливилось, то в изнеможении крутят сейчас педали в какой-нибудь тесной комнате, в духоте, темноте и сырости. Крутят и при этом остаются на месте, хе-хе.

– Да что это за велосипеды такие, которых здесь все как огня боятся? Я ещё на утреннем распределении о них слышал. Да и ещё которые на месте всегда остаются. Толку тогда от таких велосипедов? – мальчику тоже непросто было взбираться: верёвочная лестница раскачивалась, а деревянные перекладки были слишком толстыми для его небольших ладоней.

– Ух, утомился я от твоих велосипедов и этой ненавистной лестницы. Надейся, что никогда не попадёшь туда, вот и всё, – от усталости при подъёме Бастьен даже забыл о том, что Клос просил называть его «вы» и «господин», а мальчик от усталости не обратил на это внимание.

На площадку им помог взобраться сильно загорелый, пожилой, но крепкий мужчина с белой повязкой на голове. Его кожа была почти чёрной от солнца, а рука, которую он подал Клосу, сильной и жилистой:

– Прошу прощения за ожидание, почтенные господа, отвлёкся на чаек, – он карикатурно выпрямился по стойке смирно и глядел прямо перед собой с лёгкой улыбкой на лице.

Бастьен раздражённо хлестнул своим длинным рукавом по спине этого человека:

– Каких ещё чаек, болван, болтаешь тут невесть что!

Он отёр пот со лба, выдохнул и обратился к мальчику:

– Пойдёмте, не будем обращать внимания на этого недотёпу.

Следуя за Бастьеном, Клос обернулся – загорелый пожилой человек улыбался. Ветер время от времени сильными и тёплыми порывами развеивал повязку, намотанную на голову этого мужчины. Солнце над ними было ярким и палящим, а небо – голубым и безоблачным. Видимо, поэтому у улыбчивого незнакомца было хорошее настроение, несмотря ни на что.

Крыша гостиницы «Камень и бархат» представляла собой плоскость с небольшим парапетом по периметру. Клос был очень разумным и сообразительным мальчиком: он тут же принялся рисовать в воображении карту местности. Для безопасности по краю парапета были вбиты металлические штыри с круглыми ушками на конце, через которые была продета верёвка. Крыша по диаметру была чуть меньше, чем основание башни, – это Клос успел заметить, когда терпел крушение вместе с Лаки и Бароном. Люк, через который они влезли, находился в самой середине крыши. Справа от люка, на небольшом возвышении, раскинулся сад, а слева было обширное свободное пространство, где они сейчас и находились. Дворецкий, заговорщицки подмигивая мальчику, подвёл его к довольно внушительной чаше, высеченной из камня. Чаша представляла собой конус, подвешенный на двух колоннах. Вся композиция была довольно внушительной и прямо-таки сияла на солнце. Так как чаша была значительно выше мальчика и Дворецкого, к самой её верхушке вели ступени, на которые сейчас торжественно и взошёл Бастьен.

– Это клепсида – устройство, которым в нашей гостеприимной гостинице давным-давно измеряется время. Очень давно, многие тысячи лет, – он явно хотел говорить в высокопарной манере мсье Ле-Гранта, но получалось совсем не так витиевато. А со своими развевающимися от ветра рукавами он выглядел даже забавно.

– Тот болван, которого мы встретили у входа и который опять продолжает считать ворон, – он прервался и задумался на секунду, – кхм, господин Клос, вы ведь недавно прибыли. Не знаете случайно, что такое «ворон», которых, как говорится, приходится считать раззявам? Никак не могу понять, что это такое, хотя слышу о них часто.

– Вороны – это такие птицы, вроде чаек, только чёрные, – мальчик подивился неожиданной любознательности Бастьена.

– Вроде чаек, так-так, – Дворецкий запрокинул голову и, не увидев там ни одних, ни других, проворчал:

– Вот уж докатился, уже и чаек среди ясного неба понадеялся увидеть. И дня не пройдёт, стану как все эти...

Очередной порыв ветра взметнул рукава Дворецкого вместе с его ярко-зелёным бантом, и мальчик увидел прямо под ним...

«Нет, скорее всего, показалось», – решил Клос.

– Кхм, так о чём я? Ах да, клепсидра. В общем, тот болван у входа каждый вечер берёт ведро, набирает воду вот в этом резервуаре внизу...

Мальчик увидел, что из конуса тоненькой струйкой сочилась вода и поступала в маленький каменный бассейн внизу. А Бастьен продолжал:

– ...Черпает воду, поднимается по лестнице и снова льёт её наверх. Предварительно заткнув, конечно, дырку внизу, иначе время бы никогда не останавливалось. В общем, вычерпывает он всю воду до самого дна, заливая её наверх, после чего звонит вот в этот колокол. То есть... нет, сначала, когда вся вода выльется, бьёт в колокол, а уже потом переливает воду.

И действительно: прямо над ступенями висел довольно большой колокол с верёвкой, конец которой был приделан к площадке наверху. Клос потянулся к верёвке.

– Не смей дёргать раньше времени! – остановил его Дворецкий, – иначе колокол зазвонит, все эти бездельники решат, что рабочий день закончился, и разбредутся по своим номерам. Был у нас один такой случай: мсье Ле-Грант тоща был сам не свой от злости. В общем, работа проще некуда – два раза в день заливать воду и звонить в колокол. Вот бы мне такую работу вместо того, чтобы следить тут за всем и всеми. Отличная работка, как мне кажется.

– А что, если он споткнётся и расплескает всю воду? Что тогда?

– Хм, – Бастьен задумался, – наверное, тогда набирает новую из моря, воды вон сколько вокруг, уж чего-чего, а этого добра у нас хватает!

Он захихикал.

– Далековато до воды-то, да и ведро без верёвки, – возразил Клос.

– Ну, значит, идёт и просит у кого-нибудь или же просто поднимается и спускается аккуратно, чтобы не разливать. Он этим давно занимается, поди, приловчился.

– Но, даже если приловчился, вода ведь со временем испаряется! – у Клоса уже разыгралось любопытство.

– Испаряется – это как?

– Ну, испаряется – это когда воды со временем становится меньше, чем было в самом начале.

Бастьен недоверчиво поглядел на Клоса:

– Знаете, я, конечно, не учёный, как Гетти, но что-то мне не верится, что чего-то просто так становится меньше, чем было вначале. Я скорее поверю, что этот болван прыгает вниз в море с ведром, а потом поднимается по лестнице на самый верх.

– Ну, это же научный факт, Бастьен, неужели ты никогда не оставлял в чашке воду на ночь? Утром же её всегда меньше, чем вечером!

– Зачем мне оставлять воду в чашке на ночь? Если я хочу пить, то наливаю воду в чашку и пью, а не ставлю на себе какие-то эксперименты. И вообще, если бы всё было так, как ты говоришь, то Сплошного Моря бы не существовало: оно бы просто-напросто испарилось за столько-то лет.

– Оно и испаряется, – уже со смехом проговорил Клос.

Его веселил недоверчивый вид Дворецкого, не понимающего очевидных вещей.

– Испаряющаяся вода образует облака, а когда они становятся очень плотными, то идёт дождь. Кстати, что происходит с клепсидрой, когда идёт дождь?

– Подождите с клепсидрой, – перебил его Бастьен, – вот вы говорите, что вода испаряется, она же всегда испаряется, верно?

– Да, это непрерывный процесс.

– Хе, вот вы и попались, где же тогда облака? – Дворецкий указал свои рукавом прямо на небо.

Облаков на небе и вправду не было. Мальчик задумался. Ему никогда не приходил в голову такой, казалось бы, очевидный вопрос.

– Я думаю, что все облака пролились дождём вчера, а сегодня ещё не наполнились. Ну, или, может быть, их сдуло ветром в какое-нибудь другое место.

– А я думаю, что вам, вместо того чтобы забивать голову очень сомнительными вещами, лучше признать, что наша клепсидра – очень полезная и фун... функциональная вещь!

Бастьен, довольный своей словесной победой над Клосом, решил вставить умное словцо.

Клос действительно был обескуражен: даже вопрос с тем, как в гостинице учитывают точное время, когда идёт дождь, теперь показался ему глупым.

«Накрывают чем-нибудь, наверное, вот и всё. Какое это имеет значение?»

Снова подул ветер, задрал зелёный бант Бастьена, и Клос ещё раз увидел (на этот раз ему точно не показалось!): прямо в груди Дворецкого зияла довольно большая сквозная дыра. Спереди она была прикрыта бантом, а сзади была не видна из-за ливреи, в которую он был одет и которую теперь стянул с себя из-за жары.

– Что... что это такое? – мальчик отшатнулся назад и присел на ступени.

– Это? Это мой любимый салатный бант! Жаль, что не синий, конечно, или не жёлтый. Знаете, такие жёлтые банты...

– Да не бант – у тебя огромная дыра в груди! – перебил его мальчик, забыв про вежливость и тыча пальцем прямо в грудь Бастьена.

– Дыра? – Дворецкий недоумевающе посмотрел куда-то вниз. – Какая дыра? Ах, э-э-эта дыра? – Он отодвинул в сторону свой бант и поводит внутри дыры своей рукой-рукавом. – Сколько себя помню, она всегда была со мной. Жаль, конечно, что меня из-за неё немного меньше, зато она есть только у меня и ни у кого больше!

Он горделиво выпрямился.

– Как же ты тогда... ешь и пьёшь?

От волнения Клос не смог сформулировать вопрос лучше. Ему почему-то показалось, что с такой удивительной штукой в груди можно делать что угодно, но уж точно не есть и пить.

– Хм... есть и пить она мне никогда не мешала. Признаться, она мне вообще ни в чём никогда не мешала. В отличие от вот этого банта, который уже порядком поизносился. Бант этот мне ну уж совсем надоел, но получше пока нет.

Бастьен вздохнул.

Мальчик уже взял себя в руки. Он поднялся по лестнице и вплотную приблизился к Дворецкому:

– А можно мне сфотографировать? – он с энтузиазмом вытащил из кармана фотоаппарат, – только сними, пожалуйста, свою ливрею и отодвинь бант в сторону, чтобы было виднее.

– Нет уж! На такое я не нанимался! Хочешь фотографировать, давай что-то взамен!

Дворецкий вернул бант на место и сильнее натянул ливрею на своё грузное тело.

Мальчик задумался. При себе, кроме собственной одежды и фотоаппарата, у него ничего не было.

– Бастьен, я подарю тебе фотографию тебя самого! На ней будешь изображён ты вместе со своей чудесной дырой!

– Что ещё за фотография? Себя я могу и так рассматривать в зеркале каждый день!

Дворецкий не подал виду, но ему было очень приятно, что мальчик назвал его дыру чудесной. Ему раньше никогда не делали комплиментов.

– Это что-то вроде вот такой маленькой карточки с картинкой тебя в полный рост. Другой такой ни у кого не будет!

Бастьен не очень понял, что именно представляет из себя фотография, но слова о том, что он будет обладать чем-то редким и уникальным, заинтересовали его. Он согласился, с готовностью стянул ливрею с плеч и, гордо выпятив грудь, продемонстрировал дыру, через которую теперь было явно видно голубое небо и, казалось, даже слегка посвистывал ветер. Фотоаппарат щёлкнул.

– Готово? Теперь давайте фотографию! Только самую лучшую! – он протянул руку.
– Бастьен, – усмехнулся Клос, – фотография не получается так быстро, для начала надо найти очень тёмное помещение и проявить плёнку.

Дворецкий обескураженно смотрел на свою пустую ладонь, точнее, то место под развевающимся на ветру рукавом, где она должна была быть. Потом перевёл взгляд на мальчика.

– Так чего же ты сразу не сказал? Обманул меня? Одурачил доверчивого Бастьена?! Дерзкий мальчишка! – неожиданно он набросился на мальчика и вцепился в фотоаппарат, – Немедленно отдавай мою фотографию!

– Отпусти, ты его сломаешь! – мальчик вцепился в фотоаппарат, и они вместе покатались вниз по ступеням. Грузный Дворецкий навалился сверху, пытаясь, одной рукой держась за фотоаппарат, а второй пытаясь нащупать очки, которые соскочили у него с носа. Его маленькие глазки злобно вращались.

Клос вцепился в фотоаппарат обеими руками и пытался сбросить Дворецкого ногами, но силы были неравны. Ещё несколько секунд – и всем, как прошлым, так и будущим, снимкам пришёл бы конец. Неожиданно о пол крыши гостиницы звякнуло и покатилося что-то металлическое. Бастьен, успевший к этому моменту вернуть свои круглые очки на положенное им место, застыл. Мальчик тоже замер.

На камнях лежала та самая монетка с глазом, блестела, и мальчику даже казалось, что хитро подмигивала.

Воспользовавшись паузой, Клос вырвал фотоаппарат, встал и отряхнулся:

– Вот твоя награда, забирай!

Бастьен на корточках шустро подполз к монетке, бережно поднял её и потёр рукавом. Из злобного обиженного Дворецкого он вдруг резко снова стал тем робким Бастьеном, которого мальчик встретил утром за дверями своих покоев.

– Это мне? О щедрый и великодушный юноша!

Бастьен начал раскланиваться самыми разными способами, чем очень смутил мальчика.

«Вот, значит, как, – подумал Клос, – опять вернулась! Спасибо Старик, без неё мне было бы уже дважды несдобровать! Прав был Пигль: с этим Бастьеном надо быть аккуратнее».

Мальчику многое хотелось высказать своему странному провожатому, но вдруг за его спиной раздался пронзительный отрывистый свист. Прямо у края обрыва выстроились четыре колонны постояльцев самого разного вида: высоких и низких, худощавых и крепкого телосложения. Разве что толстых среди них не было. Все они были одеты в одинаковые белые шорты и повязки на головах. Больше одежды на них не было, что было весьма кстати в такой жаркий день. После следующего свистка каждому из них раздали по белому куску ткани, которые один из работников доставал из огромной кучи.

– Это ловцы ветра! – прямо в ухо мальчику восторженно прошептал Бастьен, – одна из самых интересных работ в гостинице. Хотел бы и я попробовать, но полноват для таких вещей, – он похлопал себя по кругленькому брюшку. – Это вам, господин Клос, не педали крутить, будь они неладны, или собирать мох в грязном сыром подвале. Настоящие везунчики! С этой стороны башни нет ни одного дымохода, чтобы им не мешать!

После неприятной сцены с фотоаппаратом Дворецкий хотел угодить мальчику и старался рассказывать как можно интереснее:

– Вон, видите эти доски? Сейчас они положат их на край пропасти, чтобы прыгнуть как можно дальше и быстрее вниз. Ветер сегодня что надо, наверняка их ждёт отличный улов!

– А что они собираются ловить? – шёпотом, не отрывая взгляда от ловцов, спросил мальчик.

– Ветер, конечно! А иначе что можно поймать между самым верхом, где мы прямо сейчас находимся, и самым низом, где одна вода? Больше тут ничего и не водится.

Клос, учитывая свой прошлый неудачный опыт построения разумных умозаключений, в этот раз решил не задавать вопросов и молча понаблюдать.

Когда все получили свои мешки («Это паруса прибывших сюда кораблей», – шептал Бастьен) – а они должны быть непременно белыми («Иначе ничего не получится»), то выстроились друг за другом на одном конце очень длинной доски. Второй конец свисал далеко над пропастью. Всего образовалось четыре шеренги. С каждой командой свистка все работники колонны слаженно выполняли какое-то действие: брали в руки лоскуты парусов, приседали и вытягивались, разминаясь, обматывали самых первых прыгунов верёвкой вокруг пояса. Всё это происходило в полном молчании («Бросать слова на ветер строго-настрога запрещено»). В конце концов приготовления закончились и все замерли в ожидании команды.

Раздался свисток.

Первые участники колонны что было сил устремились вперёд по доске к краю пропасти. Все остальные молча удерживали доски своим весом и крепко держали концы верёвки, которой был привязан их ловец. Достигнув края, ловец с силой оттолкнулся от края доски, подлетел и устремился вниз.

Клос бросился к краю пропасти, вцепившись в заградительную верёвку. За ним, кряхтя, потрусил Бастьен.

Тем временем каждый из четырёх ловцов раскрыл свой белый мешок и на самой высокой скорости зачерпнул им воздух. Каждый делал это в разное время и в своей собственной технике. Когда мешки до отказа наполнились, ловцы ловким движением перевязали их и на полной скорости понеслись к стенам. Они вот-вот бы расшиблись в лепёшку, мальчик даже зажмурился от страха, но в последний момент каждый из ловцов перед ударом о стену выставил впереди себя мешок и, мягко отпружинив, повис на верёвке. Команды ловцов, не сходя с досок, тут же принялись тянуть за верёвки, вытягивая ловких прыгунов назад.

– Сейчас начнётся самое интересное!

Бастьен показал в сторону кучи мешков, где стояли весы с двумя чашами наподобие тех, что у мсье Ле-Гранта, только значительно больше.

На одной стороне чаши лежал сложенный пустой мешок, на другую предлагалось положить завязанный мешок с воздухом, который захватил ловец. Ловец клал мешок, после чего контролёр молча начинал выкладывать на сторону пустого мешка маленькие белые пёрышки, очень аккуратно, по одной штуке за раз. После нескольких пёрышек контролёр одобрительно хмыкнул, бросил принесённый мешок рядом и позвал следующего. Довольный ловец, пройдя взвешивание, побежал обратно к колонне и встал на доску в самый конец очереди, где к тому времени вытаскивали из пропасти уже следующих прыгунов с уловом.

– Ерунда какая-то, – обратился Клос к Бастьену, – мешки гораздо тяжелее десятка пёрышек, – ничего там не получится измерить!

– Тише! – зашипел Бастьен, – спугнёшь ветер! Подойдём поближе...

Он подвёл мальчика прямо к весам. Контролёр покосился на них и быстро поклонился. Было видно, что Бастьена здесь уважали, но порученное дело уважали ещё больше.

Клос смотрел, как принимали работу следующего ловца. На третьем пёрышке весы неожиданно задрожали, а на четвёртом пустой мешок с пёрышками устремился вниз. Контролёр недовольно хмыкнул, а ловец грустно поплёлся в конец колонны, по пути получив в руки другой пустой мешок.

– Уважаемый, объясните, почему вы отправили этого бедного прыгуна прочь, он же так старался! – мальчик старался говорить шёпотом, но ему с трудом удавалось сдерживать эмоции. – Его мешок совершенно такой же, как предыдущие!

– Как это такой же? – возмутился контролёр, показывая мальчику свои записи. – Его мешок выдержал всего четыре пёрышка, а предыдущие два – больше десяти!

– Вес пёрышка, хоть одного, хоть десяти, никак не может наклонить чашу этих огромных весов, да тут один мешок весит больше сотни таких перьев!

– Юноша, много ты понимаешь в том, как взвешивать ветер! Наверное, пёрышки в мешках и видел разве что в подушках, которые высочеству взбивали слуги?

Контролёр явно гордился своей работой.

– Капитану Барту для победы нужен самый качественный, самый быстрый ветер во всём Сплошном Море! Ему не по душе лёгкий ветерок, которым разве что свечки перед сном задувать! Думаешь, я неправильно посчитал? Пойди убедись сам!

Он указал рукой на забракованный мешок, который валялся рядом.

Клос в негодовании схватил пухлый мешок и принялся развязывать крепко затянутый узел.

– Господин Клос, я бы не стал...

Бастьен не успел договорить – мальчик уже раскрыл мешок. Клоса подбросило мощным порывом ветра, от которого перехватило дыхание. Больно ударившись о твёрдый пол, он сделал ещё несколько оборотов и, если бы не уцепился за верёвку у самого края защитного ограждения, точно бы свалился прямо в море.

– Ну! Что я говорил! – весело прокричал контролёр, забыв про шёпот: – Максимум четыре пёрышка! Будь тут все десять, тебя было бы уже не спасти!

Сад откровений. Экскурсия продолжается

*Сад Откровений
Ветер качает листья
Хочется молчать*

Уходя прочь от опасного места и потирая ушибленный бок, Клос размышлял о том, почему он постоянно попадает в ситуации, где все его знания и опыт не просто оказываются бесполезными, а даже вредными и порой опасными.

«Я же смог построить лодку? Смог. Да и не просто построил, а ещё умудрился добраться до самого людного места Сплошного Моря! Почему же здесь я постоянно попадаю в неприятности? Даже глуповатый Бастьен выглядит здесь гораздо смущеннее меня».

– Не отставайте, господин Клос, сейчас будет самое интересное! Самая высокая точка гостиницы!

Бастьен постоянно доставал монету, любовался ей, после чего прятал во внутренний карман. Светился он при этом ярче, чем она.

Они двигались к противоположному концу площадки, на котором было оборудовано специальное возвышение с лестницей. Клос про себя заметил, что архитектор гостиницы, видимо, очень любил лестницы, но вслух этого не произнёс.

Перед возвышением стоял стражник, преграждая собой путь к ступеням. В одной руке он держал конец одной толстой тяжёлой цепи, а во второй руке – другой, представляя собой некий «живой замок». За поясом у него была шпага, а на голове – шлем причудливой формы. Выглядел он очень уставшим и... очень гордым.

– Это очень почётная должность, хе-хе, – захихикал Бастьен, – за особые заслуги перед гостиницей «Камень и бархат» мсье Ле-Грант выдаёт шпагу, шлем и разрешает постоять здесь денёк, поддержать эти цепи.

– А что он делает? – Клос приглушил голос, так как стражник был уже совсем близко.

– Как что? Это почётный караул Капитанской Дозорной Трубы! Не так ли, старший караульный? – Бастьен хлопнул по плечу караульного.

– Верно, господин Бастьен! – не отпуская цепи, подтвердил стражник и молодцевато продекламировал:

Не ем, не пью, не лежу, не сижу.

Достоинно служу, трубу сторожу!

– Отлично, караульный! Просто превосходно! А теперь пропусти нас, пожалуйста, хочу показать нашему почётному гостю окрестности!

Бастьен попытался сдвинуть стражника с места, но тот не шелохнулся.

– Вы же знаете правила, господин Бастьен! – смущенно улыбаясь, пробормотал стражник, но в сторону не отошёл. – Для того, чтобы пройти, вы должны быть особенным. Покажите что-нибудь необычное, и я открою проход!

– Брось, ты же меня прекрасно знаешь, я один из старейших и самых почётных работников гостиницы!

Дворецкий попытался перешагнуть цепи сверху, но стражник поднял их повыше. Тогда Бастьен, наоборот, пригнулся, чтобы подлезть снизу, но стражник опустил цепи к самому низу.

– Видишь? – повернулся сияющий краснощёкий Бастьен, – работает просто отлично!

Он в своей обычной заговорщицкой манере подмигнул мальчику и задрал свой салатовый бант, показав стражнику свою «особенность»:

– Видишь? Никуда не делась, мой пропуск всегда со мной, хе-хе!

– Теперь вы, маленький человек! – обратился караульный к мальчику.

Клос растерялся. Сам он считал себя довольно смышлёным и нестандартным, уж точно уникальнее и особеннее, чем другие. Но чтобы вот так, сходу продемонстрировать какой-то трюк... Дыры в груди, как у Бастьена, у него не было, даже все стихи от неожиданности он позабыл.

– Не приставай к господину Клосу, он Свободный Человек, разве это обычно в нашем мире? Первый случай в нашей гостинице, между прочим. Уверяю тебя, что во всём Сплошном Море существ с дырками в груди гораздо больше, чем Свободных Людей!

Он хлопнул по плечу стражника, который, округлив глаза, теперь разглядывал мальчика. Караульный с облегчением бросил цепи, потянулся и присел прямо на пол в тени лестницы, не отрывая пристального удивлённого взгляда.

Клос поднялся на площадку и у самого края увидел внушительных размеров подзорную трубу. Она стояла на специальном механизме, позволяющем вращать её в любом направлении.

– А какая польза от этого стражника? Что плохого в том, что кто-то поднимется сюда и посмотрит в трубу? – тихо спросил Клос, когда они поднялись.

– Никакой пользы, традиция у нас такая! – усмехнулся Бастьен. – А вообще, нечего кому ни попадя ходить где попало и вертеть головой по сторонам! Особенно с такой высоты. Нена-роком можно и шею свернуть!

Он хитро осклабился:

– Обычные постояльцы лучше пусть глядят себе под ноги и прикидывают, чтобы не споткнуться да чтобы на завтрашний номер хватило, пусть даже на стоячий!

– Стоячий номер? Это как? Невозможно же спать стоя?

– Чему только ни обучишься, были бы подходящие обстоятельства! Ну, гляди! – он подтолкнул мальчика к трубе, – только на солнце не наводи: зрение испортишь, – я вот слишком много смотрел на солнце в подзорную трубу, и видишь результат? – он показал свои толстые очки. – У всех зрение хорошее, а мне не повезло!

Клос аккуратно, шаг за шагом, пригнувшись, подкрался к трубе. Сейчас он находился на самой высокой точке гостиницы и с опаской думал о хитром Дворецком за спиной. И о ветре, который, казалось, дул здесь сильнее, чем где-либо ещё. Он покрепче сжал рукоять трубы, скорее чтобы почувствовать себя увереннее, и придвинулся к окуляру. Слева направо простирался бесконечный ровный горизонт, Сплошное Море – лучше и не скажешь. Ни одного корабля или даже самой малюсенькой лодочки с парусом.

– Ничего не видно, – разочарованно пожаловался Клос, – вода, да и только! Не на что смотреть!

– Это смотря что хочешь увидеть, хе-хе, – усмехнулся Бастьен и двинулся к мальчику, – и самое важное, на что направляешь внимание... прямо сейчас! – на слове «сейчас» он резко поднял Клоса в воздух и посадил к себе на шею; труба, в которую вцепился Клос накренилась вниз... и Клос увидел корабль.

Это был самый большой корабль, который мальчику доводилось видеть. От его величественного силуэта захватывало дух. Казалось, такую махину невозможно построить в мире, где вокруг одна вода, однако Клос сейчас ясно видел его своими глазами. От стены гостиницы прямо в море отходил длинный деревянный пирс, рядом с которым и возводился корабль. Внизу сновали десятки, даже сотни людей. Они пилили, таскали доски, тянули верёвки и делали множество другой самой разнообразной работы.

Несмотря на большое расстояние, в Дозорную Трубу можно было рассмотреть каждого работника в мельчайших деталях. Вот один тащит два больших ведра с водой, время от времени останавливаясь и утирая пот со лба. А вот другие с трудом поднимают наверх тяжёлые каменные или металлические шары (видимо, пушечные ядра). А старший катит их снова вниз по деревянной доске, посередине которой начерчена красная линия. Если ядро, скатываясь, отклоняется от линии влево или вправо, то он отдаёт команду и ядро перемещают на переплавку, а если ровно, то снова затаскивают на корабль и тащат в трюм.

«Какой простой и эффективный способ оценивать округлость шаров!» – воскликнул Клос. – *И как только додумались!»*

Мальчик, сидя на шее Дворецкого, с восхищением переводил свой взгляд с одной сцены на другую и не уставал восхищаться необычностью каждой живой картины, которую видел. До него внезапно дошло, какой корабль имел в виду Дворецкий утром.

– Ну, как тебе? Впечатляет, правда? – спросил Бастьен. – Это называется «верфь». Самое интересное – наблюдать за местом, где они нашпиговывают ядра порохом. Если повезёт, можно увидеть, как «бах!» – и всё летит в разные стороны, ха! Не обучились пока обращаться с этим порохом, – он понизил голос, – его, кстати говоря, Гетти придумал. Такой робкий с виду, а любой научный вопрос – так это сразу к нему! Особенно если нужно взорвать чего-нибудь!

– Да уж, – подивился жестокости Дворецкого мальчик, – впечатляет – не то слово! И как удалось отстроить такую махину? Откуда вы достали столько деревьев?

Он повернулся к саду позади:

– На крыше гостиницы столько точно не вырастишь!

– Хе-хе, вы правы, господин Клос, дерево, как бы это сказать, само к нам приплывает.

– Это как? – спросил мальчик и внезапно сам всё понял.

«Дерево берётся из кораблей, которые стекаются в гостиницу со всех концов Спошиного Моря!»

Он схватил Дозорную Трубу и почти сразу разглядел небольшие корабли и совсем маленькие кораблики, лодки и хлипкие плотики, которые разламывались на части и со всех сторон пристраивались к гигантскому кораблю. Каждая часть шла в работу, а совсем бесполезными щепками растапливали костры, в которых отливали из металла ядра, скамейки, подсвечники и прочие предметы военного и бытового обихода.

– Догадались, да? – ухмыльнулся Бастьен, – в гостинице всё, что вы видите вокруг, прибыло к нам вместе с нашими постояльцами: мебель, одежда, утварь. Всё разбирается до самых маленьких щепочек и пускается в работу!

– А как же команда? Капитаны этих кораблей?!

Мальчику внезапно стало холодно. Это был внутренний холод, и он был гораздо сильнее палящих солнечных лучей и жаркого морского ветра снаружи.

– Они все становятся нашими постояльцами, как правило, надолго. И капитаны, и матросы, и вообще все и всё. Наша гостиница – очень гостеприимное место, мы всем рады, здесь для каждого найдётся крыша над головой и работа.

– Немедленно отпусти меня! – закричал Клос. Ему стало очень неудобно оттого, что он сидит на плечах у человека, который так спокойно рассуждает о том, что все жители, тысячи жителей, которые когда-то куда-то направлялись, внезапно оказывались в гостинице и оставались тут навсегда.

– Отпустить? – задумчиво поглядел снизу вверх на мальчика Дворецкий, взял его под мышки и подошёл к самому краю пропасти. В отличие от верёвок вокруг Дозорная площадка не имела никаких ограждений, чтобы не мешать обзору, поэтому являлась очень опасным местом.

– Что ж, если ты уже всё посмотрел и обо всём узнал...

Дворецкий медленно поднял мальчика над головой и подвесил над краем пропасти.

«Вот и всё, – подумал мальчик, – жаль, что Лаки с Бароном останутся тут навсегда и никогда не увидят ни гор, ни баранов».

Он зажмурился.

– ...То мы можем продолжить наше маленькое и увлекательное путешествие!

Клос ощутил под сапогами твёрдую поверхность и распахнул глаза. Бастьен уже шагнул прочь, а мальчик, пошатнувшись от очередного порыва ветра, был вынужден быстрее последовать за ним. Зеркальный затылок Бастьена уже спускался по лестнице, отражая растерянного мальчика, который за последние несколько минут стал гораздо старше.

Некоторое время они шли молча: Клоса одолевали тяжёлые мысли о судьбе жителей гостиницы и их ежедневном тяжёлом труде, а Бастьена, казалось, больше занимали блики на подаренной Стариком монете. Один раз он даже приложил её к собственному глазу и ухмыльнулся в своей обычной манере.

– Так куда же всё-таки направляется этот корабль? И кто будет им управлять? Сможет ли он вместить всех жителей?

Мальчик поравнялся с Дворецким.

– Хм... – тот задумался, – с чего бы начать? Мсье Ле-Грант велел отвечать тебе на все вопросы, разве что... – он на секунду задумался, – Давай начнём с конца. Этот корабль, такой большой, на первый взгляд, конечно же, не сможет вместить всех жителей гостиницы.

Он стал загибать свои пальцы под рукавами, чесать затылок и пыхтеть. Было видно, что расчёты даются ему очень тяжело. В конце концов он выдал:

– Половину постояльцев и то не сможет вместить, а сколько сможет, я точно и не знаю. Да и какая разница? Главное – не то, сколько людей хочет плыть, а то, сколько захочет взять с собой Капитан Тромблон, – Бастьен скривился, – терпеть его не могу. Самодовольный негодяй!

Клос подумал о том, что человек, который не нравится Бастьену, на деле может оказаться вполне себе приятным. Эта мысль почему-то подняла ему настроение, несмотря на то что Бастьену, по-видимому, вообще никто не нравился.

– Не знаю, как ему удаётся, но он всё время возвращается, всё время! В то время как другие – никогда! Лучше уж сразу броситься в пучину вод в самую страшную бурю прямо с Дозорной вышки, чем попасть на этот чёртов корабль! Ну уж нет! Ноги моих на нём никогда не будет! Корабль почти готов, какой он там по счёту?

Дворецкий очень нервничал, его руки тряслись, и он ещё хуже загибал пальцы:

– В общем, точно не первый! Не второй, не десятый и даже не сотый! Вот что такое этот корабль – верная смерть! Именно туда он и направляется!

Он прервался, достал монету, потёр её и слегка успокоился:

– Слушайте, а ещё такие у вас есть, господин Клос?

Он схватил мальчика за плечо.

– Неважно! – вырвался мальчик, – в любом случае мы в расчёте, а если и есть, то я не собираюсь отдавать их тебе!

– Очень жаль, – грустно произнёс Бастьен, – прекрасная монетка, но у мсье Ле-Гранта таких целый сундук, а у меня всего одна. Много ли можно себе позволить, имея в кармане всего одну малюсенькую монетку?

«Если бы ты знал, что это за монетка, – про себя позлорадствовал мальчик, – жадный и завистливый Бастьен. Пока она у меня, в этом странном месте, где всё продаётся и покупается, мне ничего не грозит».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.